

Генеральная Ассамблея
Совет Безопасности

Distr.: General
29 December 2008
Russian
Original: English

Генеральная Ассамблея
Шестьдесят третья сессия
Пункты 13 и 18 повестки дня

Совет Безопасности
Шестьдесят третий год

**Затянувшиеся конфликты на пространстве ГУАМ
и их последствия для международного мира,
безопасности и развития**

**Положение на оккупированных территориях
Азербайджана**

**Письмо Постоянного представителя Азербайджана
при Организации Объединенных Наций от 26 декабря
2008 года на имя Генерального секретаря**

По поручению моего правительства имею честь настоящим препроводить доклад об основополагающей норме территориальной целостности государств и о праве на самоопределение в свете ревизионистских притязаний Армении (см. приложение).

Буду признателен за распространение настоящего письма и приложения к нему в качестве документа шестьдесят третьей сессии Генеральной Ассамблеи по пунктам 13 и 18 повестки дня и документа Совета Безопасности.

(Подпись) **Агшин Мехдиев**
Посол
Постоянный представитель

**Приложение к письму Постоянного представителя
Азербайджана при Организации Объединенных Наций
от 26 декабря 2008 года на имя Генерального секретаря**

**Доклад об основополагающей норме территориальной
целостности государств и о праве на самоопределение
в свете ревизионистских притязаний Армении**

1. В настоящем докладе излагается точка зрения правительства Азербайджанской Республики относительно взаимосвязи между правовой нормой, касающейся территориальной целостности государств, и принципом самоопределения в международном праве в контексте ревизионистских притязаний Республики Армения («Армения»).
2. Такие ревизионистские притязания высказываются в связи с нагорно-карабахским¹ конфликтом между Арменией и Азербайджаном и, по сути дела, сводятся к тому, что Нагорный Карабах не был частью нового государства Азербайджан при получении им независимости, и это делается с помощью различных правовых аргументов, включая принцип самоопределения.
3. Нагорно-карабахский конфликт, если говорить кратко, представляет собой конфликт, в рамках которого часть международно признанной территории Азербайджанской Республики («Азербайджан») была захвачена и удерживается Арменией, будь то непосредственно ее собственными силами либо косвенно силами, составляющими часть «Нагорно-Карабахской Республики» («НКР»). Это последнее образование представляет собой самозванное «государство», поддерживаемое Арменией и, фактически, находящееся под ее управлением и контролем. Оно абсолютно не признано в качестве такового, даже Арменией.
4. В настоящем докладе рассматривается, во-первых, концепция территориальной целостности государств; во-вторых, эволюция и статус принципа самоопределения народов; и, наконец, характер армянских притязаний, особенно в отношении Нагорного Карабаха.
5. По сути дела, сделанный в докладе вывод сводится к тому, что притязания Армении на отделение Нагорного Карабаха от Азербайджана являются неправомерными с точки зрения международного права, а Армения нарушает международно-правовые принципы, касающиеся, в частности, нормы территориальной целостности.

---

¹ Термин «Нагорный Карабах» представляет собой русский перевод исконного названия на азербайджанском языке — “Dağlıq Qarabağ” (произносится «даглиг гарабаг»), что буквально означает гористый Гарабаг. Чтобы избежать путаницы, ниже будет использоваться широко распространенный термин «Нагорный Карабах».

A. Основополагающая норма территориальной целостности государств

I. Международная практика

а) Введение

6. Государства составляют сердцевину международно-правовой системы и являются основными субъектами международного права. Независимо от того, как определяются требования государственности, критерий территории является абсолютно необходимым. Немыслимо представить себе государство в качестве лица в международном праве, имеющего права и обязанности, без согласованных существенным образом территориальных рамок. Как отмечал Оппенгейм, «государство без территории невозможно»².

7. В любой системе международного права, в основе которой лежат суверенные и независимые государства, принцип защиты целостности территориального выражения таких государств неизбежно приобретает большое значение³. Вместе с концепцией вытекающего отсюда принципа невмешательства территориальная целостность является крайне важной в плане эволюции принципов, связанных с поддержанием международного мира и безопасности. Она также подчеркивает децентрализованный и ориентированный на государство характер международной политической системы и одновременно отражает и выражает суверенное равенство государств в качестве правового принципа.

8. Территориальная целостность и суверенитет государства являются неразрывно связанными концепциями международного права. Это — составляющие фундамент принципы. В отличие от многих других норм международного права, они могут быть изменены лишь в результате концептуального изменения в классическом и современном понимании международного права.

9. В деле об *острове Пальмас*, которое, пожалуй, является ведущим делом в том, что касается территориального права, и, разумеется, изначальной точкой любого анализа этого права, было подчеркнуто, что:

«[т]ерриториальный суверенитет... предполагает обладание государством исключительного права на осуществление деятельности»⁴,

в то время как:

---

² R.Y.Jennings and A.D.Watts (eds.), *Oppenheim's International Law*, 9th ed., 1992, p. 563.

³ Оппенгейм отмечает, что «важность территории государства заключается в том, что она представляет собой пространство, в рамках которого государство осуществляет свою верховную и, как правило, исключительную власть», *ibid.*, p. 564. Боуэт рассматривает этот принцип как определяющий в международном праве и как существенную основу правовых отношений между государствами, *Self-Defence in International Law*, Manchester, 1958, p. 29. См. в целом J.Castellino and S.Allen, *Title to Territory in International Law: A Temporal Analysis*, Aldershot, 2002; G.Distefano, *L'Ordre International entre Légalité et Effectivité: Le Titre Juridique dans le Contentieux Territorial*, Paris, 2002 ; R.Y.Jennings, *The Acquisition of Territory in International Law*, Manchester, 1963; M.N.Shaw, "Territory in International Law", 13 *Netherlands YIL*, 1982, p. 61; N.Hill, *Claims to Territory in International Law and Relations*, London, 1945; J.Gottman, *The Significance of Territory*, Charlottesville, 1973; и S.P.Sharma, *Territorial Acquisition, Disputes and International Law*, The Hague, 1997.

⁴ 1 RIAA 829, 839 (1928).

«Суверенитет в отношениях между государствами означает независимость. Независимость применительно к какой-либо части мира представляет собой право осуществлять в ней функции государства, при исключении любого другого государства из этого процесса. Развитие национальной организации государств в течение последних нескольких веков и, в результате этого, развитие международного права привели к установлению этого принципа исключительной компетенции государства в отношении его собственной территории таким образом, чтобы сделать его отправной точкой при урегулировании большинства вопросов, касающихся международных отношений»⁵.

10. Соответственно, концепцию государственного суверенитета можно осуществлять только посредством исключительного территориального контроля, дабы такой контроль стал краеугольным камнем международного права, в то время как исключительность контроля означает, что никакое другое государство не может осуществлять компетенцию в пределах территории другого государства без явно выраженного согласия со стороны последнего. Иными словами, развитие международного права на основе исключительной власти государства в пределах принятых территориальных рамок означает, что территория стала, «возможно, важнейшей концепцией международного права»⁶. Этот принцип является двусторонним. Он устанавливает как последующую компетенцию государства в отношении своей территории, так и отсутствие компетенции других государств в отношении той же территории. Признание суверенитета того или иного государства в отношении его территории означает также признание суверенитета других государств над своей территорией. В деле о *проливе Корфу* Международный Суд четко подчеркнул, что «между независимыми государствами уважение территориального суверенитета является существенно важной основой международных отношений»⁷.

11. Эти принципы более подробно обсуждаются всемирным судом. Например, Постоянная палата международного правосудия в решении по делу о *судне «Лотос»* подчеркнула, что:

«первое и главное ограничение, налагаемое международным правом на государство, заключается в том, что, если нет никакой разрешающей нормы, предусматривающей иное, государство не может осуществлять свои полномочия в какой бы то ни было форме на территории другого государства»⁸,

в то время как Международный Суд в деле о *проливе Корфу* особо отметил «обязательство каждого государства не разрешать сознательно, чтобы его территория использовалась для совершения деяний, противоречащих правам других государств»⁹, а в деле «*Право убежища*» он отметил, что «нарушение территориального суверенитета не должно допускаться, если только в каждом конкретном случае не устанавливается юридическая обоснованность»¹⁰.

---

⁵ *Ibid.*, at 838.

⁶ D.P.O'Connell, *International Law*, 2nd ed., London, 1970, vol. I, p. 403.

⁷ ICJ Reports, 1949, pp. 4, 35.

⁸ PCIJ, Series A, No. 10, p. 18.

⁹ ICJ Reports, 1949, pp. 6, 22.

¹⁰ ICJ Reports 1950, pp. 266, 275.

12. Таким образом, несмотря на рост глобализации, будь то в коммерческих или торговых отношениях или в вопросах, касающихся прав человека или окружающей среды, территориальный суверенитет по-прежнему составляет ядро международно-правовой системы.

13. Поэтому предъявляемое к государствам юридическое требование заключается в уважении территориальной целостности других государств. Это — обязательство, вытекающее из суверенитета государств и из равенства государств. Оно находит свое отражение в академических трудах. Один из ведущих авторов отмечает, что «[д]ля государств уважение их территориальной целостности имеет первостепенное значение... Эта норма играет важнейшую роль в международных отношениях»¹¹. Также указывалось на то, что «[м]ало какие принципы в современном международном праве укоренились настолько прочно, как принцип территориальной целостности государств»¹².

14. Важно, разумеется, отметить, что это обязательство касается не просто защиты территории как таковой или права осуществлять юрисдикцию над территорией или даже территориального суверенитета — норма, касающаяся уважения территориальной целостности государств, подразумевает дополнительное требование, заключающееся в том, чтобы поддерживать территориальную целостность либо определение или разграничение отдельных государств. Это — установленная для всех государств обязанность признавать, что сама территориальная структура и конфигурация любого государства должны уважаться.

15. Более того, уважение территориальной целостности государств может рассматриваться как норма *jus cogens*, и, вне всяких сомнений, тот аспект этой нормы, который запрещает агрессию против территориальной целостности государств, имеет статус императивной нормы¹³.

в) Общественная основа для нормы, касающейся территориальной целостности

16. Политику, лежащую в основе доктрины уважения территориальной целостности государств, можно рассматривать с точки зрения как самого характера территориального суверенитета, так и усматриваемой необходимости стабильности в международных отношениях, конкретно в том, что касается территориальных вопросов. В той степени, в какой это касается первого аспекта, в центре доктрины государственного суверенитета лежит концепция суверенного равенства, которая была авторитетно определена с помощью следующих положений:

- «а) государства юридически равны;
- б) каждое государство пользуется правами, присущими полному суверенитету;
- в) каждое государство обязано уважать правосубъектность других государств;

¹¹ M.G.Kohen, "Introduction" in M.G.Kohen (ed.), *Secession: International Law Perspectives*, Cambridge, 2006, p. 6.

¹² См. Opinion on the "Territorial Integrity of Quebec in the Event of the Attainment of Sovereignty" by Professors Franck, Higgins, Pellet, Shaw and Tomuschat on 8 May 1992, para. 2.16, <<http://www.uni.ca/library/5experts.html>>.

¹³ См. ниже, пункт 66 и далее.

d) территориальная целостность и политическая независимость государства неприкосновенны;

e) каждое государство имеет право свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы;

f) каждое государство обязано выполнять полностью и добросовестно свои международные обязательства и жить в мире с другими государствами»¹⁴.

17. Помимо того, что территориальная целостность представляет собой, таким образом, один из ключевых элементов концепции суверенного равенства, она считается существенно важной в контексте стабильности и предсказуемости международно-правовой системы в целом, в основе которой лежат суверенные, независимые и в территориальном отношении разграниченные государства. Важность территориальной целостности находит свое отражение в ключевой концепции стабильности границ, которая, как писалось, составляет «всеобъемлющий постулат международно-правовой системы, который как объясняет, так и генерирует смежные правовые нормы»¹⁵. Например, Международный Суд ссылался конкретно на «постоянство и стабильность сухопутной границы» в деле о *континентальном шельфе Туниса/Ливии*¹⁶, на необходимость «стабильности и окончательности» в деле о *храме Преа Виhear*¹⁷ и на «стабильность и постоянство» границ в деле о *континентальном шельфе Эгейского моря*¹⁸. Каждое из этих заявлений подчеркивает важность ключевого принципа уважения территориальной целостности государств.

18. Международный Суд объяснил причины этого следующим образом:

«когда два государства устанавливают границу между ними, одна из главных целей состоит в обеспечении стабильности и окончательности. Это невозможно, если установленная таким образом линия может в любой момент и на основе постоянно наличествующего процесса ставиться под сомнение»¹⁹.

19. Этот момент был подчеркнут Арбитражным судом в деле о *проливе Бигль*, когда было отмечено, что:

«рубеж, граница, через которую не может проходить юрисдикция пограничных государств, подразумевает окончательность и постоянство»²⁰.

с) Норма территориальной целостности, как она воплощена в международных документах глобального характера

20. Ряд основных документов XIX и начала XX веков содержали ссылки на норму территориальной целостности. Например, в ходе Венского конгресса

---

¹⁴ Декларация о принципах международного права, 1970 год, резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи.

¹⁵ M.N. Shaw, "The Heritage of States: The Principle of *Uti Possidetis Juris* Today", 67 *British Year Book of International Law*, 1996, pp. 75, 81.

¹⁶ ICJ Reports, 1982, pp. 18, 66.

¹⁷ ICJ Reports, 1962, pp. 6, 33.

¹⁸ ICJ Reports, 1978, pp. 3, 36.

¹⁹ *Temple of Preah Vihear*, ICJ Reports, 1962, pp. 6, 34.

²⁰ HMSO, 1977, p. 11.

1815 года были гарантированы нейтралитет и территориальная целостность Швейцарии²¹, в то время как Лондонский протокол 1852 года гарантировал то же самое в отношении Дании, а Парижский договор 1856 года — в отношении Османской империи²². Кроме того, Договор от 2 ноября 1907 года признавал независимость и территориальную целостность Норвегии.

21. В последнем из четырнадцати пунктов президента Вудро Вильсона, представленных в Конгресс 8 января 1918 года, говорилось о необходимости создания — на основе особых соглашений — общего объединения наций в целях предоставления «взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств»²³. Это послужило одним из главных вдохновляющих мотивов для создания Лиги Наций.

22. Статья 10 Статута Лиги Наций предусматривала:

«Члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего вторжения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех Членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства».

23. Следует отметить, что заключенный в 1925 году договор о взаимных гарантиях между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией (Локарнский пакт) недвусмысленно предусматривал сохранение территориального статус-кво, вытекающего из границ между Германией и Бельгией и между Германией и Францией, и нерушимость этих границ, как они были определены Версальским мирным договором 1919 года или во исполнение этого Договора.

24. В Уставе Организации Объединенных Наций особенно актуальными являются следующие положения. Статья 2(1) предусматривает, что сама Организация основана «на принципе суверенного равенства всех ее Членов», а в статье 2(4) провозглашается, что «[в]се Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства...». Этот последний принцип является, разумеется, одним из основополагающих принципов Организации Объединенных Наций. Более подробно он обсуждается ниже в настоящем докладе²⁴.

25. Манильская декларация о мирном разрешении международных споров 1982 года вновь подтверждает в своей преамбуле «принцип Устава Организации Объединенных Наций, согласно которому все государства воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства или каким-либо иным образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций», а в пункте 4 заявляет следующее:

²¹ См., например, Markus Kutter, *Die Schweizer und die Deutschen* (Frankfurt/M.: Fischer, 1997), pp. 97–105 cited in B. Schoch, “Switzerland — A Model for Solving Nationality Conflicts?”, Peace Research Institute, Frankfurt, 2000, p. 26 и Edmund Jan Osmańczyk and Anthony Mango, *Encyclopedia of the United Nations and International Agreements*, 3rd ed., 2004, vol. 4, p. 2294.

²² *Ibid.*

²³ <http://wwi.lib.byu.edu/index.php/President_Wilson%27s_Fourteen_Points>.

²⁴ См. ниже, пункт 66 и далее.

«Государства, являющиеся сторонами в споре, продолжают соблюдать в своих взаимоотношениях их обязательства в соответствии с основными принципами международного права, касающимися суверенитета, независимости и территориальной неприкосновенности государств, а также другими общепризнанными принципами и нормами современного международного права».

26. В статье 5 Декларации о праве на развитие, принятой Генеральной Ассамблеей 4 декабря 1986 года в ее резолюции 41/128, содержится призыв к государствам принимать решительные меры, направленные на ликвидацию «угроз национальному суверенитету, национальному единству и территориальной целостности». В пункте 3 Руководящих принципов в отношении оказания гуманитарной помощи, принятых в резолюции 46/182 Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1991 года, предусматривается, что «[с]уверенитет, территориальная целостность и национальное единство государств должны полностью уважаться в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. В этой связи гуманитарная помощь должна предоставляться с согласия пострадавшей страны и в принципе на основе просьбы пострадавшей страны». Кроме того, в резолюции 52/112, касающейся использования наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение, которая была принята Генеральной Ассамблеей 12 декабря 1997 года, недвусмысленно подтверждаются «воплощенные в Уставе Организации Объединенных Наций цели и принципы, относящиеся к строгому соблюдению принципов суверенного равенства, политической независимости, территориальной целостности государств...».

27. В Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций, принятой Генеральной Ассамблеей 8 сентября 2000 года²⁵, было подтверждено обязательство глав государств и правительств поддерживать, в частности, «все усилия, направленные на обеспечение суверенного равенства всех государств, уважения их территориальной целостности и политической независимости». Эта Декларация была вновь подтверждена в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года, в котором лидеры стран мира договорились «поддерживать все усилия, направленные на обеспечение суверенного равенства всех государств и уважения их территориальной целостности и политической независимости»²⁶. Это положение Итогового документа Всемирного саммита было, в свою очередь, недвусмысленно подтверждено в Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций 2006 года²⁷.

28. Ссылки на территориальную целостность можно также встретить в многосторонних договорах всемирного характера. Например, преамбула Договора

---

²⁵ Резолюция 55/2 Генеральной Ассамблеи.

²⁶ Резолюция 60/1 Генеральной Ассамблеи, пункт 5.

²⁷ Резолюция 60/288 Генеральной Ассамблеи. См. также резолюцию 57/337 Генеральной Ассамблеи о предотвращении вооруженных конфликтов, в которой была вновь подтверждена приверженность Ассамблеи принципам политической независимости, суверенного равенства и территориальной целостности государств; резолюцию 59/195 о правах человека и терроризме, в пункте 1 которой содержится ссылка на территориальную целостность; и резолюцию 53/243, содержащую Декларацию и Программу действий в области культуры мира, в пункте 15(h) которой содержится призыв к государствам воздерживаться от любых форм принуждения, которые направлены против политической независимости или территориальной целостности государств.

о нераспространении ядерного оружия 1968 года содержит следующее положение:

«напоминая, что в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций государства должны воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций».

29. Кроме того, в статье 301 Конвенции по морскому праву 1982 года предусматривается следующее:

«При осуществлении своих прав и выполнении своих обязанностей согласно настоящей Конвенции государства-участники воздерживаются от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости любого государства или каким-либо иным образом, не совместимым с принципами международного права, воплощенными в Уставе Организации Объединенных Наций»,

в то время как в статье 19 Конвенции предусмотрено, что проход иностранного судна в территориальном море прибрежного государства «считается нарушающим мир, добрый порядок или безопасность прибрежного государства, если в территориальном море оно осуществляет любой из следующих видов деятельности: а) угрозу силой или ее применение против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости прибрежного государства»²⁸.

30. Норма, касающаяся территориальной целостности, применяется, по сути дела, к защите международных границ независимых государств. Однако она также имеет отношение к защите временных — если они согласованы, — границ таких государств от применения силы. В Декларации 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений, предусмотрено:

«Равным образом каждое государство обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения международных демаркационных линий, таких, как линий перемирия, установленных или соответствующих международному соглашению, стороной которого является данное государство или которое это государство обязано соблюдать на каком-либо ином основании. Ничто в вышесказанном не должно истолковываться как наносящее ущерб позициям заинтересованных сторон в отношении статуса и последствий установления таких линий согласно их особым режимам, или как нарушающее их временный характер».

31. Хотя норма, призывающая к уважению территориальной целостности, применяется к независимым государствам, стоит также указать на то, что международное сообщество стремилось сохранить конкретную территориальную конфигурацию колониальных территорий по мере того, как движение за деколонизацию набирало темпы. В пункте 4 Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой Генеральной Ассамблеей

²⁸ См. также статью 39, предусматривающую аналогичную норму в отношении транзитного прохода судов и летательных аппаратов.

14 декабря 1960 года, содержался конкретный призыв к прекращению военных действий против зависимых народов и было подчеркнуто, что «целостность их национальных территорий должна уважаться»²⁹. В Декларации 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений, было также предусмотрено:

«Территория колонии или другой самоуправляющейся территории имеет, согласно Уставу Организации Объединенных Наций, статус, отдельный и отличный от статуса территории государства, управляющего ею; такой отдельный и отличный, согласно Уставу, статус существует до тех пор, пока народ данной колонии или самоуправляющейся территории не осуществит своего права на самоопределение в соответствии с Уставом, и в особенности в соответствии с его целями и принципами»³⁰.

32. Подчеркивая презумпцию территориальной целостности в отношении колониальных территорий в ходе их продвижения к независимости³¹, Организация Объединенных Наций столь же четко высказывалась в отношении необходимости уважения территориальной целостности независимых стран, управляющих такими территориями. В пункте 6 Декларации о деколонизации было заявлено, что:

«всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций»,

а в пункте 7 той же Декларации отмечалось, что:

«все государства должны строго и добросовестно соблюдать положения Устава Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав человека и настоящей Декларации на основе равенства, невмешательства во внутренние дела всех государств, уважения суверенных прав всех народов и территориальной целостности их государств».

33. В связи с той же темой, хотя, возможно, более жестко, раздел Декларации 1970 года, касающийся самоопределения, заканчивался следующим заявлением:

«Ничто в приведенных выше абзацах не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше; и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи»³².

34. Затем было отдельно подчеркнуто, что:

---

²⁹ Резолюция 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи.

³⁰ Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи.

³¹ Более подробно см. ниже, пункт 79 и далее.

³² Более подробно см. ниже, пункт 142 и далее.

«Каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны».

35. Соответственно, признание отдельного статуса колониальной территории сопровождалось признанием нормы территориальной целостности государства или страны, о которых шла речь.

36. Этот подход, в соответствии с которым признание конкретных прав негосударственных субъектов в международном праве сопровождается подтверждением принципа территориальной целостности, нашел недавно выражение в Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, принятой 7 сентября 2007 года³³. В статье 46 Декларации предусмотрено:

«Ничто в настоящей Декларации не может толковаться как подразумевающее какое-либо право любого государства, народа, группы лиц или отдельного лица заниматься любой деятельностью или совершать любые действия в нарушение Устава Организации Объединенных Наций или рассматриваться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности и политического единства суверенных и независимых государств».

d) Норма территориальной целостности, как она воплощена в международных документах регионального характера

37. Многие из основных уставных документов ведущих региональных организаций конкретно касаются территориальной целостности, и в этой связи можно привести следующие примеры, сгруппированные по региональному признаку.

i) Европа

38. Хельсинкский заключительный акт, принятый 1 августа 1975 года Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе, содержит Декларацию принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях (так называемые «десять принципов»). Следует отметить несколько из этих принципов. В принципе I отмечается, что государства-участники будут «уважать суверенное равенство и своеобразие друг друга, а также все права, присущие их суверенитету и охватываемые им, в число которых входит, в частности, право каждого государства на юридическое равенство, на территориальную целостность, на свободу и политическую независимость». В принципе II провозглашается, что государства-участники «будут воздерживаться в их взаимных, как и вообще в их международных отношениях от применения силы или угрозы силой как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций и с настоящей Декларацией». В принципе III провозглашается, что государства-участники «рассматривают как нерушимые все границы друг друга, так и границы всех государств в Европе», а принцип IV касается конкретно территориальной целостности государств, а именно:

³³ A/61/L.67.

«Государства-участники будут уважать территориальную целостность каждого из государств-участников. В соответствии с этим они будут воздерживаться от любых действий, несовместимых с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций, против территориальной целостности, политической независимости или единства любого государства-участника и, в частности, от любых таких действий, представляющих собой применение силы или угрозу силой. Государства-участники будут, равным образом, воздерживаться от того, чтобы превращать территорию друг друга в объект военной оккупации или других прямых или косвенных мер применения силы в нарушение международного права или в объект приобретения с помощью таких мер или угрозы их осуществления. Никакая оккупация или приобретение такого рода не будет признаваться законной».

39. В Документе по мерам укрепления доверия, принятом как часть Хельсинкского Заключительного акта, было подтверждено, что государства-участники были:

«исполнены решимости также воздерживаться в их взаимных, как и вообще в их международных отношениях от применения силы или угрозы силой как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций и с принятой в этом Заключительном акте Декларацией принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях».

40. Парижская хартия для новой Европы, принятая переименованной Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе в ноябре 1990 года, вновь подтвердила, что:

«В соответствии с нашими обязательствами по Уставу Организации Объединенных Наций и обязательствами по Хельсинкскому Заключительному акту мы возобновляем наши заверения в том, что будем воздерживаться от применения силы или угрозы силой против территориальной целостности или политической независимости какого-либо государства и от любых других действий, несовместимых с принципами и целями этих документов».

41. Кодекс поведения ОБСЕ, касающийся военно-политических аспектов безопасности, который был принят на Будапештском саммите 1994 года, подтвердил обязанность не оказывать содействие или поддержку государствам, прибегающим к применению силы или к угрозе силой против территориальной целостности или политической независимости любого другого государства³⁴. За ним последовала Лиссабонская декларация «О модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI века», принятая 3 декабря 1996 года, в которой главы государств и правительств обязались, в частности, «не поддерживать государств-участников, которые в нарушение международного права применяют силу или угрозу силой против территориальной целостности или политической независимости любого государства-участника» (пункт 6)³⁵. В

---

³⁴ См. OSCE Handbook, 2007, p. 83,
<http://www.osce.org/publications/sg/2007/10/22286_1002_en.pdf>.

³⁵ S/1/96.

Хартии европейской безопасности, принятой в ноябре 1999 года³⁶, было провозглашено, что «в соответствии со своими обязанностями в рамках ОБСЕ» государства участники будут «незамедлительно проводить консультации с государством-участником, ищущим поддержки в осуществлении индивидуальной или коллективной самообороны, если его суверенитет, территориальная целостность и политическая независимость находятся под угрозой» (пункт 16), в то время как Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе, достигнутое государствами-участниками на Стамбульском саммите ОБСЕ в 1999 году, напомнило об их «обязательстве воздерживаться в их взаимных, как и вообще в их международных отношениях от применения силы или угрозы силой как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций».

42. Совет Европы принял две наиболее актуальные конвенции. Во-первых, в преамбуле Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, принятой 5 ноября 1992 года, предусматривается, что:

«защита и поддержка региональных языков или языков меньшинств в различных странах и регионах Европы представляют собой важный вклад в строительство Европы, основанной на принципах демократии и культурного разнообразия в рамках национального суверенитета и территориальной целостности»,

а в статье 5 заявлено:

«Ничто в настоящей Хартии не может толковаться как подразумевающее право на участие в какой-либо деятельности или осуществление каких-либо действий, противоречащих целям Устава Организации Объединенных Наций или другим обязательствам по международному праву, включая принцип суверенитета и территориальной целостности государств».

43. Во-вторых, в Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, принятой 1 февраля 1995 года, предусмотрено, что «создание терпимой и процветающей Европы зависит не только от сотрудничества между государствами, но и требует трансграничного сотрудничества между местными и региональными органами власти без ущерба для конституционной и территориальной целостности каждого государства», и содержится призыв к:

«эффективной защите национальных меньшинств и прав и свобод лиц, принадлежащих к этим меньшинствам, в рамках верховенства права, при уважении территориальной целостности и национального суверенитета государств».

44. В статье 21 подчеркивается:

«Ничто в настоящей рамочной Конвенции не может быть истолковано как подразумевающее какое-либо право заниматься любой деятельностью или совершать любые действия, которые противоречат основополагающим принципам международного права, в частности принципам суверенного

³⁶ PCOEW389.

равенства, территориальной целостности и политической независимости государств».

ii) *Атлантика*

45. В статье 4 Североатлантического договора, который был заключен 4 апреля 1949 года и на основании которого была создана НАТО в качестве организации коллективной безопасности, предусмотрено, что «Договаривающиеся стороны всегда будут консультироваться друг с другом в случае, если, по мнению какой-либо из них, территориальная целостность, политическая независимость или безопасность какой-либо из Договаривающихся сторон окажутся под угрозой».

iii) *Содружество Независимых Государств*

46. Устав Содружества Независимых Государств, принятый в Минске 22 января 1993 года, среди своих принципов, перечисленных в статье 3, отмечает нерушимость государственных границ, признание существующих границ и отказ от противоправных территориальных приобретений наряду с территориальной целостностью государств и отказом от любых действий, направленных на расчленение чужой территории. В статье 12 предусмотрено:

«В случае возникновения угрозы суверенитету, безопасности и территориальной целостности одного или нескольких государств-членов либо международному миру и безопасности государства-члены незамедлительно приводят в действие механизм взаимных консультаций с целью координации позиций и принятия мер для устранения возникшей угрозы, включая миротворческие операции и использование в случае необходимости Вооруженных Сил в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону согласно статье 51 Устава ООН».

47. Договор о коллективной безопасности СНГ был первоначально подписан 15 мая 1992 года³⁷ и вступил в силу 20 апреля 1994 года после его подписания дополнительными государствами. В статье 2 Договора заявлено, что в случае возникновения угрозы безопасности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств — участников будет приведен в действие механизм совместных консультаций. В 1999 году действие Договора было продлено еще на пять лет подписавшими его первоначально государствами³⁸, однако 7 октября 2002 года он был заменен Уставом Организации Договора о коллективной безопасности. Устав имеет своей целью обеспечение «безопасности, суверенитета и территориальной целостности» государств-участников, и в его статье 3 изложены цели Организации, которыми являются «укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам».

---

³⁷ Арменией, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией, Таджикистаном и Узбекистаном.

³⁸ С добавлением Грузии, но за исключением Узбекистана, который вновь присоединился в 2006 году. 18 августа 2008 года Грузия заявила о своем намерении выйти из СНГ <http://www.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=36&info_id=7526>.

48. Кроме того, в статье II Устава ГУАМ³⁹, принятого 23 мая 2006 года, содержится призыв к развитию сотрудничества, руководствуясь «принципами уважения суверенитета и территориальной целостности государств, неприкосновенности их международно-признанных границ и невмешательства в их внутренние дела и другими общепризнанными принципами и нормами международного права».

iv) *Арабские государства*

49. Статья 5 Пакта Лиги арабских государств, принятого 22 марта 1945 года⁴⁰, предусматривает:

«Запрещается прибегать к силе для урегулирования споров, которые могут возникнуть между двумя государствами — членами Лиги. Если возникнет спор, не затрагивающий независимости, суверенитета и территориальной целостности государств, и если обе спорящие стороны обратятся к Совету для разрешения этого спора, то решение Совета будет являться обязательным и окончательным».

v) *Латинская Америка*

50. В статье 1 Устава Организации американских государств от 1948 года⁴¹ предусмотрено, что американские государства — участники Устава учреждают настоящим международную организацию в целях «укрепления их солидарности и сотрудничества, защиты их суверенитета, территориальной целостности и независимости».

51. В статье 26 Рамочного договора о демократической безопасности в Центральной Америке, принятого 15 декабря 1995 года, среди его принципов региональной безопасности указываются следующие:

«(с) отказ от угрозы силой или ее применения против суверенитета, территориальной целостности и политической независимости любого государства региона, подписавшего настоящий Договор;...

h) коллективная оборона в духе солидарности согласно соответствующим конституционным нормам и действующим международным договорам в случае вооруженной агрессии со стороны государства, расположенного за пределами региона, против территориальной целостности, суверенитета и независимости одного из центральноамериканских государств;

i) национальное единство и территориальная целостность государств в рамках Центральноамериканской интеграции».

52. В статье 42 далее предусматривается, что «[л]юбая вооруженная агрессия или угроза вооруженной агрессии со стороны государства, расположенного за

³⁹ В составе Азербайджана, Грузии, Молдовы и Украины. На основании Устава Объединение ГУАМ, созданное в 1997 году в качестве консультативного форума и официально оформленное в 2001 году, было преобразовано в «Организацию за демократию и экономическое развитие — ГУАМ», именуемую далее «ГУАМ», см. преамбулу.

⁴⁰ <http://avalon.law.yale.edu/20th_century/arableag.asp>.

⁴¹ С внесенными в него поправками в 1967, 1985, 1992 и 1993 годах, см. <<http://www.oas.org/juridico/English/charter.html>>.

пределами региона, против территориальной целостности, суверенитета или независимости одного центральноамериканского государства рассматривается как акт агрессии против остальных центральноамериканских государств».

vi) Африка

53. В статье II(1)(с) Устава Организации африканского единства провозглашено, что одной из целей организации является защита «их суверенитета, территориальной целостности и независимости», а в статье III перечислены принципы, которым члены ОАЕ обязуются соблюдать для достижения заявленных целей организации. Они включают суверенное равенство всех государств-членов, невмешательство во внутренние дела государств и «уважение суверенитета и территориальной целостности каждого государства и его неотъемлемого права на независимое существование». ОАЕ была преобразована в Африканский союз на основании Учредительного акта Африканского союза от 2000 года. Статья 3 включает — среди целей Союза — защиту «суверенитета, территориальной целостности и независимости его членов», а в статье 4 предусмотрено, что Союз должен действовать в соответствии с рядом принципов, включая «суверенное равенство и взаимозависимость между государствами-членами Союза» и «уважение границ, существовавших при достижении независимости».

54. Норма территориальной целостности также совершенно четко зафиксирована в учредительных документах субрегиональных организаций. Например, главы государств и правительств государств — членов Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) в статье II Протокола, касающегося механизма по предупреждению, разрешению и урегулированию конфликтов и поддержанию мира и безопасности, который был принят 10 декабря 1999 года, подтвердили ряд «основополагающих принципов», включая «территориальную целостность и политическую независимость государств-членов», а в преамбуле Протокола о сотрудничестве в области политики, обороны и безопасности, который был принят главами государств и правительств государств — членов Сообщества по вопросам развития стран юга Африки 14 августа 2001 года, были признаны и подтверждены принципы «строгого уважения суверенитета, суверенного равенства, территориальной целостности, политической независимости, добрососедства, отказа от агрессии и невмешательства во внутренние дела других государств», в то время как в статье 11(1)(а) было заявлено, что «государства-члены воздерживаются от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости любого государства, кроме как с законной целью индивидуальной или коллективной самообороны против вооруженного нападения».

vii) Исламские государства

55. Устав Организации Исламская конференция 1972 года предусматривает среди своих принципов, изложенных в статье II, «уважение суверенитета, независимости и территориальной целостности каждого государства-члена» и «воздержание от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности, национального единства или политической независимости любого из государств-членов». В преамбуле Исламабадской декларации, принятой на чрезвычайной сессии Исламской конференции на высшем уровне в 1997 году, было вновь подтверждено уважение принципов «суверенитета, территориаль-

ной целостности и невмешательства во внутренние дела государств»⁴². Устав Организации был заменен исправленным документом от 14 марта 2008 года, в преамбуле которого дважды делается ссылка на решимость Организации «уважать, охранять и защищать национальный суверенитет, независимость и территориальную целостность всех государств-членов». В статье 1 отмечается, что одной из целей Организации является уважение «суверенитета, независимости и территориальной целостности каждого государства-члена», а другой целью является «поддержка восстановления полного суверенитета и территориальной целостности любого государства-члена, находящегося в условиях оккупации в результате агрессии, на основе международного права и сотрудничества с соответствующими международными и региональными организациями». В статье 2 излагаются принципы Организации, включая принцип, согласно которому все государства-члены «обязуются уважать национальный суверенитет, независимость и территориальную целостность других государств-членов и воздерживаются от вмешательства во внутренние дела других».

viii) Азия

56. Договор о коллективной обороне Юго-Восточной Азии (Манильский пакт) был подписан 8 сентября 1954 года Соединенными Штатами, Соединенным Королевством и Францией с рядом государств Юго-Восточной Азии и привел к созданию Организации Договора Юго-Восточной Азии. В статье II участники договорились «по отдельности и совместно, посредством постоянной и эффективной самопомощи и взаимной помощи, поддерживать и развивать свой индивидуальный и коллективный потенциал по оказанию сопротивления вооруженному нападению и по предотвращению и противодействию подрывной деятельности, осуществляемой извне против их территориальной целостности и политической стабильности». Организация прекратила свое существование в 1977 году.

57. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) была создана 8 августа 1967 года. В Договоре о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии от 1976 года государства-участники договорились руководствоваться рядом «фундаментальных принципов», изложенных в статье 2, включая «[в]заимное уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной самобытности всех государств». В статье 10 предусмотрено, что «[н]и одна из Высоких Договаривающихся Сторон никоим образом и ни в какой форме не участвует в какой-либо деятельности, создающей угрозу политической и экономической стабильности, суверенитету или территориальной целостности другой из Высоких Договаривающихся Сторон». Устав АСЕАН был подписан 20 ноября 2007 года, и в его преамбуле отмечается уважение «принципов суверенитета, равенства, территориальной целостности, невмешательства, консенсуса и единства в многообразии»⁴³. Статья 2 (2) предусматривает, что АСЕАН и ее государства-члены должны действовать в соответствии с рядом принципов, включая «уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной самобытности всех государств — членов АСЕАН».

⁴² A/51/915.

⁴³ В настоящее время государствами-членами являются Бруней-Даруссалам, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Филиппины.

58. Кроме того, Устав Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии⁴⁴, принятый 8 декабря 1986 года, подтверждает «уважение принципов суверенного равенства, территориальной целостности, национальной независимости, неприменения силы и невмешательства во внутренние дела других государств и мирного урегулирования всех споров», а в его статье II(1) подчеркивается, что «сотрудничество в рамках Ассоциации основывается на принципах суверенного равенства, территориальной целостности, политической независимости, невмешательства во внутренние дела других государств и взаимной выгоды».

е) Норма территориальной целостности, как она воплощена в соглашениях, касающихся особых по своему характеру ситуаций

59. Норма территориальной целостности также получила выражение в ряде двусторонних соглашений или международных соглашений с ограниченным количеством участников, которые касаются урегулирования определенных вопросов. Достаточно провести краткий обзор некоторых из наиболее показательных примеров.

60. В статье 3 японско-корейского договора от 23 февраля 1904 года, например, Япония гарантировала территориальную целостность Корейской империи, а Договор о гарантиях от 16 августа 1960 года, являющийся частью конституционного урегулирования Кипрского вопроса, предусматривал как «обеспечение поддержания независимости, территориальной целостности и безопасности» новой Республики Кипр (статья II), так и гарантии этой территориальной целостности со стороны Греции, Турции и Соединенного Королевства (статья III). Индо-непальский договор от 31 июля 1950 года предусматривал взаимное признание независимости и территориальной целостности обоих государств, а Симлское соглашение между Индией и Пакистаном, подписанное 2 июля 1972 года, предусматривало в пункте (v) «уважение национального единства, территориальной целостности, политической независимости и суверенного равенства друг друга». Мирные соглашения между Израилем и Египтом от 26 марта 1979 года (статья II) и между Израилем и Иорданией от 26 октября 1994 года (статья 2(1)) предусматривали признание территориальной целостности друг друга, в то время как Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине (Дейтонское соглашение), подписанное 14 декабря 1995 года, предусматривало, что стороны (Босния и Герцеговина, Союзная Республика Югославия и Хорватия) договорились «воздерживаться от любых действий, угрозы силой или ее применения или иных действий против территориальной целостности или политической независимости Боснии и Герцеговины или любого другого государства»⁴⁵.

61. Кроме того, ряд соглашений между государствами Восточной Европы после окончания «холодной войны» предусматривал взаимное признание границ⁴⁶. Например, Литовско-польское соглашение от 26 апреля 1994 года, «офи-

---

⁴⁴ В ее состав входят Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивские Острова, Непал, Пакистан и Шри-Ланка.

⁴⁵ Это соглашение было засвидетельствовано Францией, Соединенным Королевством, Соединенными Штатами, Германией и Россией. См. также Договор между Хорватией и Боснией и Герцеговиной о государственной границе от 30 июля 1999 года.

⁴⁶ См. также Германско-польское соглашение о подтверждении границы, 14 ноября 1990 года.

циально ратифицирующее сейчас и на будущее целостность нынешних территорий» (преамбула), подтвердило «принципы уважения суверенитета, нерушимости границ, запрещения вооруженной агрессии, территориальной целостности, невмешательства в местные дела и соблюдения прав человека и основных свобод» (статья 1) и признало «нерушимость существующей границы между ними, обозначенной на территории, и взаимное обязательство уважать без каких бы то ни было условий суверенитет и территориальную целостность друг друга» (статья 2). В Венгерско-румынском договоре, подписанном 16 сентября 1996 года, стороны предусмотрели в статье 4, что они «в соответствии с принципами и нормами международного права и принципами Хельсинкского Заключительного акта подтверждают, что они будут соблюдать нерушимость их общей границы и территориальную целостность другой стороны», в то время как в Румыно-украинском договоре, подписанном 2 июня 1997 года, были подчеркнуты принципы нерушимости границ и территориальной целостности государств (статья 1(2)) и было вновь подтверждено, что они «не прибегают ни при каких обстоятельствах к угрозе силой или применению силы, направленной либо против территориальной целостности, либо против политической независимости другой Договаривающейся Стороны» (статья 3)⁴⁷.

62. И наконец, в Российско-китайском договоре от 16 июля 2001 года стороны вновь подтвердили в статье 1 ряд принципов, включая принципы «взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности», а в статье 4 конкретно поддержали политику друг друга «в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности», и обязались не предпринимать каких-либо действий, «наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой Договаривающейся Стороны» (статья 8).

f) Норма территориальной целостности, как она воплощена в особых по своему характеру резолюциях Организации Объединенных Наций

63. Норма территориальной целостности также упоминается или подтверждается в многочисленных резолюциях Организации Объединенных Наций, принятых в связи с конкретными ситуациями. В частности, причем только в последние годы, была четко и конкретно подтверждена территориальная целостность следующих государств: Кувейта⁴⁸, Украины⁴⁹, Ирака⁵⁰, Афганистана⁵¹, Анголы⁵², Восточного Тимора⁵³, Сьерра-Леоне⁵⁴, Бурунди⁵⁵, Ливана⁵⁶, Гру-

⁴⁷ См. также статью 13(12), предусматривающую, что ни одно из положений этой статьи, касающееся национальных меньшинств, не может истолковываться как подразумевающее «какое бы то ни было право предпринимать любые действия или осуществлять любую деятельность, противоречащие целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций или другим обязательствам, вытекающим из международного права, или положениям Хельсинкского Заключительного акта и Парижской хартии для новой Европы, включая принцип территориальной целостности государств».

⁴⁸ Резолюция 687 (1991) Совета Безопасности.

⁴⁹ См. заявление Председателя Совета Безопасности от 20 июля 1993 года, S/26118.

⁵⁰ Там же и резолюции 1770 (2007), 1790 (2007) и 1830 (2008).

⁵¹ См. резолюции 1267 (1999), 1776 (2007) Совета Безопасности.

⁵² См. резолюцию 1268 (1999) Совета Безопасности. См. также резолюцию 52/211 Генеральной Ассамблеи.

⁵³ См., например, резолюции 389 (1976), 1272 (1999) и 1745 (2007) Совета Безопасности.

⁵⁴ Резолюция 1306 (2000) Совета Безопасности.

⁵⁵ Резолюция 1719 (2006) Совета Безопасности.

зии⁵⁷, Кипра⁵⁸, Коморских Островов⁵⁹, Демократической Республики Конго⁶⁰, Руанды и других государств региона⁶¹, Бурунди⁶², Кот-д'Ивуара⁶³, Сомали⁶⁴, Судана⁶⁵, Чада и Центральноафриканской Республики⁶⁶, Гаити⁶⁷, государств бывшей Югославии⁶⁸ и Непала⁶⁹.

64. Наконец, для конкретных целей настоящего доклада следует особо отметить, что Совет Безопасности недвусмысленно подтверждал территориальную целостность Азербайджана и всех других государств региона в резолюциях 822 (1993), 853 (1993), 874 (1993) и 884 (1993). Кроме того, в своей резолюции 62/243, принятой 14 марта 2008 года, Генеральная Ассамблея четко подтвердила «неизменное уважение и поддержку суверенитета и территориальной целостности Азербайджанской Республики в пределах ее международно признанных границ».

г) Вывод

65. Из всего вышесказанного на данном этапе можно видеть, что норма территориальной целостности была всеобъемлющим образом заявлена и подтверждена в многочисленных международных документах, как обязательных, так и необязательных, начиная с резолюций Организации Объединенных Наций, общих и конкретных по своему характеру, и кончая международными многосторонними, региональными и двусторонними соглашениями. Таким образом, не может быть никаких сомнений в отношении правового характера этой нормы или ее центрального места в международной правовой и политической системе. Как было подчеркнуто Верховным судом Канады, «международное право придает большое значение территориальной целостности государств-наций»⁷⁰.

⁵⁶ См., например, резолюции Совета Безопасности 347 (1974), 425 (1978), 436 (1978), 444 (1979), 467 (1980), 490 (1981), 508 (1982), 509 (1982), 520 (1982), 542 (1983), 564 (1985), 587 (1986), 1052 (1996), 1559 (2004), 1655 (2006), 1701 (2006), 1757 (2007) и 1773 (2007). См. также резолюцию 36/226 Генеральной Ассамблеи.

⁵⁷ См., например, резолюции 1752 (2007), 1781 (2007) и 1808 (2008) Совета Безопасности.

⁵⁸ См., например, резолюции 3212 (XXIX) и 37/253 Генеральной Ассамблеи.

⁵⁹ См., например, резолюцию 37/43 Генеральной Ассамблеи.

⁶⁰ См., например, резолюции Совета Безопасности 1756 (2007), 1771 (2007), 1794 (2007), 1804 (2008) и 1807 (2008). См. также резолюцию 60/170 Генеральной Ассамблеи.

⁶¹ См., например, резолюции 1771 (2007), 1804 (2008) и 1807 (2008) Совета Безопасности.

⁶² См., например, резолюцию 1791 (2007) Совета Безопасности.

⁶³ См., например, резолюции 1739 (2007), 1765 (2007), 1795 (2008) и 1826 (2008) Совета Безопасности.

⁶⁴ См., например, резолюции 1766 (2007), 1772 (2007), 1801 (2008), 1811 (2008) и 1816 (2008) Совета Безопасности.

⁶⁵ См., например, резолюции 1769 (2007), 1784 (2007), 1841 (2008) и 1828 (2008) Совета Безопасности.

⁶⁶ См., например, резолюцию 1778 (2007) Совета Безопасности.

⁶⁷ См., например, резолюции 1780 (2007) и 1840 (2008) Совета Безопасности.

⁶⁸ См., например, резолюцию 1785 (2007) Совета Безопасности.

⁶⁹ См., например, резолюцию 1796 (2008) Совета Безопасности.

⁷⁰ *Reference Re Secession of Quebec* [1998] 2 S.C.R. 217, para. 112.

II. Некоторые актуальные, логически вытекающие принципы

66. Фундаментальная норма территориальной целостности породила ряд значимых, логически вытекающих принципов.

а) Запрет на угрозу силой или ее применение

67. Территориальная целостность государств защищается международно-правовым запретом на угрозу силой или ее применение. В статье 2(4) Устава Организации Объединенных Наций изложено правило, согласно которому:

«Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций».

68. Этот принцип представляет собой норму особой значимости. В статье 9 проекта декларации прав и обязанностей государств от 1949 года провозглашено:

«Каждое государство обязано воздерживаться от использования войны в качестве орудия национальной политики и воздерживаться от угрозы силой и применения ее против территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с международным правом и порядком»⁷¹.

69. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятая Генеральной Ассамблеей 24 октября 1970 года⁷², напоминает об «обязанности государств воздерживаться в своих международных отношениях от военной, политической, экономической или какой-либо другой формы давления, направленного против политической независимости или территориальной целостности любого государств» и подчеркивает, что существенно важно, «чтобы все государства воздерживались в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций». В преамбуле далее подчеркивается, что «любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности государства или страны или их политической независимости, несовместима с целями и принципами Устава».

70. Помимо этих высказанных в преамбуле замечаний, в Декларации дается конкретное толкование ряда принципов, содержащихся в Уставе Организации Объединенных Наций, включая принцип запрещения, в частности, угрозы силой или ее применения против территориальной целостности государств. В Декларации предусмотрено:

⁷¹ Резолюция 375 (IV) Генеральной Ассамблеи.

⁷² Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи.

«Каждое государство обязано воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций. Такая угроза силой или ее применение являются нарушением международного права и Устава Организации Объединенных Наций; они никогда не должны применяться в качестве средства урегулирования международных проблем... Каждое государство обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения существующих международных границ другого государства или в качестве средства разрешения международных споров, в том числе территориальных споров, и вопросов, касающихся государственных границ».

71. Признано, что незаконное применение силы не только запрещено нормой, содержащейся в Уставе Организации Объединенных Наций и в обычном международном праве, но и противоречит нормам *jus cogens*, или более высокой и императивной норме. Комиссия международного права в своих комментариях по проекту статей о праве международных договоров отметила, что «положения Устава, касающиеся запрещения применения силы, представляют собой показательный пример нормы международного права, имеющей характер *jus cogens*», и включила в качестве примера договора, который нарушал бы нормы *jus cogens* и, таким образом, был бы ничтожным, договор, направленный на неправомерное применение силы вопреки принципам Устава⁷³, а в своих комментариях по статье 40 проекта статей, касающихся ответственности государств, Комиссия отметила, что «по общепринятому мнению, ... запрещение агрессии следует рассматривать как императивную норму»⁷⁴. Поддержка этого положения включала не только комментарии Комиссии в отношении того, что в конечном итоге стало статьей 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года⁷⁵, но и не встретившие возражений заявления правительств в ходе Венской конференции по праву международных договоров⁷⁶ и мнение Международного Суда по делу «Военная и полувоенная деятельность в Никарагуа и против нее»⁷⁷.

72. С этой нормой *jus cogens* связан принцип, согласно которому границы не могут по закону быть изменены за счет применения силы. Например, в своей резолюции 242 (1967) Совет Безопасности подчеркнул «недопустимость при-

⁷³ *Yearbook of the International Law Commission*, 1966, vol. II, pp. 247–8.

⁷⁴ J.Crawford, *The International Law Commission's Articles on State Responsibility*, Cambridge, 2002, p. 246.

⁷⁵ См. сноску 72 выше.

⁷⁶ В сноске к своим комментариям Комиссия отметила, что «[н]а Венской конференции ряд правительств охарактеризовали в качестве императивных норм запрещение агрессии и неправомерного применения силы»: см. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session, Vienna, 26 March to 24 May 1968, summary records of the plenary meeting and of the meetings of the Committee of the Whole* (United Nations publication, Sales No. E.68.V.7), 52nd meeting, paras. 3, 31 and 43; 53rd meeting, paras. 4, 9, 15, 16, 35, 48, 59 and 69; 54th meeting, paras. 9, 41, 46 and 55; 55th meeting, paras. 31 and 42; and 56th meeting, paras. 6, 20, 29 and 51”, see J.Crawford, *The International Law Commission's Articles on State Responsibility*, Cambridge, 2002, p. 246.

⁷⁷ ICJ Reports, 1986, pp. 14, 100–101. Это мнение было поддержано учеными, см., например, B.Simma, “NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects”, 10 *European Journal of International Law*, 1999, pp. 1, 3.

обретения территории путем войны», а в Декларации 1970 года о принципах международного права было заявлено следующее:

«Территория государства не должна быть объектом приобретения другим государством в результате угрозы силой или ее применения. Никакие территориальные приобретения, являющиеся результатом угрозы силой или ее применения, не должны признаваться законными».

73. Принцип IV Декларации принципов, принятых СБСЕ в Хельсинкском Заключительном акте 1975 года, гласит:

«Государства-участники будут, равным образом, воздерживаться от того, чтобы превращать территорию друг друга в объект военной оккупации или других прямых или косвенных мер применения силы в нарушение международного права или в объект приобретения с помощью таких мер или угрозы их осуществления. Никакая оккупация или приобретение такого рода не будет признаваться законной»,

в то время как в резолюции 662 (1990), принятой единогласно и на основании главы VII в качестве обязательного решения, Совет Безопасности заявил, что предполагаемая аннексия Кувейта Ираком «в какой бы то ни было форме и под каким бы то ни было предлогом является юридически незаконной и считается недействительной».

74. В своем консультативном заключении относительно *строительства стены*⁷⁸ Международный Суд подчеркнул, что, так же, как закрепленные в Уставе принципы относительно применения силы отражают обычное международное право, «то же самое относится и к его выводу о незаконности приобретения территории в результате угрозы силой или ее применения».

b) Объективизация пограничных договоров

75. Еще один аспект важности территориального определения государств и особой защиты, обеспечиваемой в этом отношении международным правом, связан с пограничными договорами. Как общий принцип, договоры связывают только те государства, которые являются их участниками, и предоставляемые ими права обычно истекают одновременно с прекращением действия самого договора. Однако, вследствие особого положения границ в международном праве, договоры, касающиеся границ между государствами, проявляют необычный характер в этом отношении.

76. Пограничные договоры создают объективную реальность. Иными словами, границы, установленные на основании таких договоров, будут применяться *erga omnes* и будут оставаться в силе даже после «кончины» самого договора. Это положение было подтверждено Международным Судом в деле относительно *Ливии/Чада*. Суд отметил, что:

«установление этой границы является фактом, который с самого начала имеет свое собственное правовое существование, независимо от судьбы Договора 1955 года. Будучи согласованной, граница таковой и остается, поскольку любой иной подход лишал бы юридической силы основополагающий принцип в отношении стабильности границ, важность которого

⁷⁸ ICJ Reports, 2004, pp. 136, 171. См. также резолюцию ES-10/14 Генеральной Ассамблеи, 8 декабря 2003 года.

неоднократно подчеркивалась Судом (*Temple of Preah Vihear, ICJ Reports, 1962*, p. 34; *Aegean Sea Continental Shelf, ICJ Reports, 1978*, p. 36).

Граница, установленная на основании договора, приобретает, таким образом, постоянный характер, которым отнюдь не обязательно обладает сам договор. Договор может перестать оставаться в силе, но это никоим образом не сказывается на постоянстве границы... Это отнюдь не означает, что два государства не могут по взаимному согласию изменить границу между ними; такой результат может, несомненно, быть достигнут на основании взаимного согласия, однако, когда граница является предметом договоренности, продолжающееся существование этой границы не зависит от продолжающегося существования договора, на основании которого граница была согласована»⁷⁹.

77. Эта позиция подкрепляется еще двумя принципами — либо находит в них отражение. Первый касается нормы *rebus sic stantibus*. Он предусматривает, что сторона в договоре может в одностороннем порядке использовать в качестве основания для прекращения или приостановления действия договора тот факт, что произошло коренное изменение обстоятельств по сравнению с теми, которые существовали при заключении договора⁸⁰. Эта доктрина воплощена в статье 62 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, которая была признана Международным Судом на юрисдикционном этапе дел, касающихся *Юрисдикции в области рыболовства*, в качестве кодификации существующего обычного международного права. Вопрос сводился к тому, произошло ли какое-то радикальное изменение в объеме обязательств, установленных соответствующим договором⁸¹. Однако статья 62(2)(а) Венской конвенции предусматривает, что на эту доктрину нельзя ссылаться, «если договор устанавливает границу», и из комментариев Комиссии международного права ясно видно, что такие договоры должны составлять исключение из общего правила, позволяющего прекращать или приостанавливать действие договора, поскольку в ином случае эта норма может стать источником опасных трений⁸².

78. Второй принцип касается правопреемства государств. Статья 16 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 года предусматривает основную норму, согласно которой новое независимое государство (в смысле бывшей колониальной территории) не обязано сохранять в силе какой-либо договор или становиться его участником в силу исключительно того факта, что в момент правопреемства государств этот договор был в силе в отношении территории, являющейся объектом правопреемства государств. Однако было сочтено, что такое принятие так называемого принципа «чистой доски» не применяется к пограничным договорам. В статье 11 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 года предусмотрено, что «[п]равопреемство государств ... не затрагивает: а) границ, установленных договором...». Использованная при этом формулировка является поучительной. Ссылка, разумеется, сделана на границы, установленные договором, а не на сам договор как таковой, и важно проводить различие между

---

⁷⁹ ICJ Reports, 1994, pp. 6, 37.

⁸⁰ См., например, A.D.McNair, *The Law of Treaties* (1961), pp. 681–91, и T.O. Elias, *The Modern Law of Treaties* (1974), p. 119.

⁸¹ ICJ Reports, 1974, pp. 3, 18.

⁸² *Yearbook of the International Law Commission* (1966 II), p. 259.

инструментом и той объективной реальностью, которую он создает или признает. В этом смысле договор является правоустанавливающим.

79. Статья 11 была впоследствии подтверждена как требующая соблюдения урегулированных пограничных вопросов на основе договоров. В деле, касающемся *Туниса/Ливии*, Международный Суд ясно заявил, что «эта норма относительно преемственности *ipso jure* пограничных и территориальных договоров была позднее воплощена в Венской конвенции 1978 года о правопреемстве государств в отношении договоров»⁸³, в то время как Арбитражная комиссия, созданная Международной конференцией по Югославии, в заключении № 3 заявила, что «все внешние границы должны уважаться в соответствии с принципом, провозглашенным в Уставе Организации Объединенных Наций, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (резолюция 2625 (XXV)), и в Хельсинкском Заключительном акте, принципом, который также составляет основу статьи 11 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров от 23 августа 1978 года»⁸⁴.

c) Принцип *Uti Possidetis Juris*⁸⁵

80. Принцип *uti possidetis* представляет собой крайне важную доктрину, лежащую в основе процесса приобретения государственности новым образованием согласно международному праву. По существу, он предусматривает, что новые государства получают независимость с теми же границами, которые они имели, когда они были административными единицами в пределах территории или территорий либо колониальной державы, либо уже независимого государства. Основная цель этой доктрины заключается в подчеркивании принципа стабильности государственных границ, но одновременно она также наделяет новое государство легитимностью. Эта легитимность может вытекать из границ, которые первоначально были международными границами, или из границ, которые первоначально были внутренними разграничительными линиями. В первом случае будет, разумеется, применяться норма, касающаяся правопреемства государств в отношении границ, установленных договорами. Однако норма относительно преемственности международных границ представляет собой общий принцип и будет также применяться, независимо от того, как были установлены эти границы, например посредством признания или посредством международного арбитражного решения. Как было ясно заявлено Судом в деле

⁸³ ICJ Reports, 1982, pp. 18, 66. См. также дело *Буркина Фасо/Мали*, ICJ Reports, 1986, pp. 554, 563 и отдельное мнение судьи Аджиболы по делу *Ливия/Чад*, ICJ Reports, 1994, pp. 6, 64.

⁸⁴ 92 *International Law Reports*, pp. 170, 171.

⁸⁵ См., например, M.Kohen, *Possession Contestée et Souveraineté Territoriale*, Geneva, 1997, chapter 6, and *ibid.*, “*Uti Possidetis*, Prescription et Pratique Subséquent à un Traité dans l’Affaire de l’*Ile de Kasikili/Sedudu* devant la Cour Internationale de Justice”, 43 *German YIL*, 2000, p. 253; G.Nesi, *L’Uti Possidetis Juris nel Diritto Internazionale*, Padua, 1996; Luis Sánchez Rodríguez, “*L’Uti Possidetis* et les Effectivités dans les Contentieux Territoriaux et Frontaliers”, 263 *Hague Recueil*, 1997, p. 149; J.M.Sorel and R.Mehdi, “*L’Uti Possidetis* Entre la Consécration Juridique et la Pratique: Essai de Réactualisation”, *AFDI*, 1994, p. 11; T.Bartoš, “*Uti Possidetis. Quo Vadis?*”, 18 *Australian YIL*, 1997, p. 37; “*L’Applicabilité de l’Uti Possidetis Juris* dans les Situations de Sécession ou de Dissolution d’États”, *Colloque*, RBDI, 1998, p. 5, and M.N.Shaw, “*Heritage of States*”, *loc. cit.*

*Буркина-Фасо/Мали*⁸⁶, «нет никаких сомнений в том, что обязательство уважать ранее существовавшие международные границы в случае правопреемства государств вытекает из общей нормы международного права».

81. По сути дела, принцип *uti possidetis* действует в контексте передачи суверенитета и создания нового независимого государства и обуславливает этот процесс. Как только новое государство становится независимым, в действие вступает норма территориальной целостности в целях обеспечения защиты территориальных пределов такого государства.

82. Принцип *uti possidetis* впервые появился в современную эпоху в Латинской Америке, когда государства — преемники Испанской империи добивались независимости. Главное намерение, несомненно, заключалось в стремлении не допустить возвращения европейского колониализма путем признания того, что на континенте не оставалось ни одного района *terra nullius*, поскольку государства-преемники унаследовали границы бывших испанских колоний или административных единиц⁸⁷. Из Латинской Америки эта доктрина перекинулась в Африку, где ситуация была несколько более запутанной как в силу вовлеченности нескольких европейских колониальных держав, так и вследствие сложной этнической картины на континенте.

83. Резолюция 16(1), принятая Организацией африканского единства на ее встрече в Каире в 1964 году, закрепила или, если сказать более точно, подтвердила этот кардинальный принцип. Он гласил, что колониальные границы, существовавшие в момент деколонизации, представляли собой ощутимую реальность, которую все государства-члены обязались уважать. Эта резолюция стала ключевым политическим заявлением с важнейшими правовыми оттенками. Она была тщательно проанализирована Международным Судом в деле *Буркина-Фасо/Мали* в качестве одного из элементов более широкой ситуации⁸⁸.

84. Суд заявил, что резолюция 1964 года «намеренно определила и подчеркнула принцип *uti possidetis juris*», вместо того, чтобы установить его. В резолюции было подчеркнуто, что тот факт, что новые африканские государства согласились уважать административные разграничительные линии и границы, установленные колониальными державами, «должен рассматриваться не как простая практика, содействующая постепенному формированию принципа обычного международного права, ограниченного по своему воздействию африканским континентом, как это было ранее в случае Испанской Америки, а как применение в Африке общей по сфере охвата нормы». Принятие колониальных границ политическими лидерами Африки и самой ОАЕ не создавало новой нормы и не распространяло на Африку действия нормы, ранее применявшейся только на другом континенте. Скорее, оно являлось признанием и подтверждением существующего принципа. Как отметила Палата, суть принципа *uti possidetis* «заключается в его первостепенной цели — обеспечении уважения территориальных границ в момент приобретения независимости. Такие территориальные границы могут быть лишь разграничительными линиями между различными административными округами или колониями, подвластными одному и тому же суверену. В этом случае применение принципа *uti possidetis* привело

⁸⁶ ICJ Reports, 1986, pp. 554, 566. См. также дело *Тунис/Ливия*, ICJ Reports, 1982, pp. 18, 65–6.

⁸⁷ См. *Colombia-Venezuela*, 1 Reports of International Arbitral Awards, pp. 223, 228 и *El Salvador/Honduras (Nicaragua Intervening)*, ICJ Reports, 1992, pp. 351, 387.

⁸⁸ ICJ Reports, 1986, pp. 554, 565–6.

к тому, что административные границы преобразовались в международные границы в полном смысле этого понятия»⁸⁹.

85. Это определение было вновь подтверждено в деле *Сальвадор/Гондурас* и было названо авторитетным заявлением⁹⁰. Суд заявил, что *uti possidetis* представляет собой, по сути дела, «ретроспективный принцип, облекающий в мантию международных границ административные разграничительные линии, первоначально предназначавшиеся для совершенно других целей»⁹¹. В деле *Буркина-Фасо/Мали*⁹² было подчеркнуто, что «принцип *uti possidetis* замораживает территориальное право владения; он останавливает часы, но не переводит стрелки назад».

86. Также ясно, что принцип *uti possidetis* применяется за пределами контекста деколонизации к ситуациям отделения от уже независимого государства или распада такого государства. В деле *Буркина-Фасо/Мали*⁹³ Суд постарался подчеркнуть, что этот принцип не является «особой нормой, относящейся исключительно к одной конкретной системе международного права», а скорее:

«представляет собой общий принцип, логически связанный с явлением получения независимости, где бы оно не происходило. Его очевидная цель заключается в недопущении того, чтобы независимость и стабильность новых государств ставились под угрозу братоубийственными раздорами, спровоцированными оспариванием границ после ухода управляющей державы»⁹⁴.

87. Эта формулировка была повторена и подтверждена в недавнем решении Международного Суда по делу *Никарагуа против Гондураса*⁹⁵.

88. То, что *uti possidetis* является общим принципом, видно также из последующей практики. Например, это можно видеть в случаях бывшего СССР⁹⁶, Чехословакии⁹⁷ и бывшей Югославии. В последнем случае Арбитражная комиссия по Югославии, созданная Европейским сообществом и признанная государствами бывшей Югославии, вынесла несколько релевантных замечаний. В Заключении № 2 Арбитражная комиссия заявила, что:

«независимо от обстоятельств, право на самоопределение не должно влечь за собой изменения границ, существующих при получении независимости (*uti possidetis juris*), кроме как в случаях, когда соответствующие государства договариваются об ином»⁹⁸.

⁸⁹ *Ibid*, at 566.

⁹⁰ ICJ Reports, 1992, pp. 351, 386.

⁹¹ *Ibid*, at 388.

⁹² ICJ Reports, 1986, pp. 554, 568.

⁹³ *Ibid*, at 565.

⁹⁴ *Ibid*. См. также отдельное мнение судьи Койманса, *Qatar v Bahrain*, ICJ Reports, 2001, pp. 40, 230–2.

⁹⁵ ICJ Reports, 2007, paras. 151 and following.

⁹⁶ См., например, R.Yakemtchouk, “Les Conflits de Territoires and de Frontières dans les Etats de l’Ex-URSS”, *AFDI*, 1993, p. 401. Более подробно см. Ниже, пункты 92–94 и далее.

⁹⁷ См. J.Malenovsky, “Problèmes Juridiques Liés à la Partition de la Tchecoslovaquie”, *AFDI*, 1993, p. 328.

⁹⁸ 92 *ILR*, p. 168 См. также A.Pellet, “Note sur la Commission d’Arbitrage de la Conférence Européenne pour la Paix en Yugoslavie”, *AFDI*, 1991, p. 329, и Pellet, “Activité de la Commission d’Arbitrage de la Conférence Européenne pour la Paix en Yugoslavie”, *AFDI*,

89. В Заключении № 3 Арбитражная комиссия, рассматривая вопрос о внутренних границах между Сербией и Хорватией и Сербией и Боснией и Герцеговиной, подчеркнула, что:

«если не согласовано иное, бывшие границы становятся границами, защищаемыми международным правом. Этот вывод следует из принципа уважения территориального статус-кво и, в частности, из принципа *uti possidetis*. Хотя первоначально принцип *uti possidetis* применялся для решения вопросов деколонизации в Америке и Африке, сегодня он признается в качестве общего принципа, как это было заявлено Международным Судом в его решении от 22 декабря 1986 года по делу, касающемуся *Буркина-Фасо и Мали (спор о границе)*»⁹⁹.

90. Этот подход был подтвержден, например, заместителем министра иностранных дел и по делам Содружества Соединенного Королевства, который в записке в январе 1992 года¹⁰⁰ заявил, что:

«разграничительные линии Хорватии станут границами независимой Хорватии, так что в этом конкретном вопросе нет никаких сомнений. Это было согласовано двенадцатью странами, и это будет нашим отношением к этим границам. Они изменятся только в том плане, что они были границами республики, а стали международными границами».

91. Статья X Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине (Дейтонское мирное соглашение) предусматривает, что «Союзная Республика Югославия и Республика Босния и Герцеговина признают друг друга в качестве суверенных независимых государств в рамках своих международных границ», а резолюция 1038 (1996) Совета Безопасности подтвердила независимость, суверенитет и территориальную целостность Хорватии.

92. Можно отметить и другую соответствующую практику государств. Например, что касается бывшего СССР, статья 5 Соглашения о создании Содружества Независимых Государств, подписанного в Минске 8 декабря 1991 года¹⁰¹, предусматривает, что «Высокие Договаривающиеся Стороны признают и уважают территориальную целостность друг друга и неприкосновенность существующих границ в рамках Содружества. Они гарантируют открытость границ, свободу передвижения граждан и передачи информации в рамках Содружества». Это положение получило дальнейшее закрепление в Алма-Атинской декларации от 21 декабря 1991 года, подписанной одиннадцатью бывшими республиками (т.е. за исключением Балтийских государств и Грузии)¹⁰², в которой говорилось о государствах, действующих, «признавая и уважая территориальную целостность друг друга и нерушимость существующих границ». Хотя эти документы касаются, по сути дела, принципа территориальной целостности, защищающего международные границы, ясно, что намерение состояло в утверждении и закреплении доктрины *uti possidetis*, не в последнюю очередь для того, чтобы обеспечить международную, региональную и национальную легитимацию новых границ. Это объясняется тем, что подлежащие защите гра-

---

1992, p. 220.

⁹⁹ 92 *ILR*, p. 171.

¹⁰⁰ UKMIL, 63 *BYIL*, 1992, p. 719.

¹⁰¹ См. 31 *ILM*, 1992, p. 138 and p. 147 and following, и 34 *ILM*, 1995, p. 1298.

¹⁰² 31 *ILM*, 1992, p. 148.

ницы, которые только что стали международными границами, были границами бывших республик СССР — и ничем иным.

93. Кроме того, статья 6 Договора между Российской Федерацией и Украиной от 19 ноября 1990 года предусматривает конкретно, что обе стороны признают и уважают территориальную целостность бывших Российской и Украинской республик СССР в существующих в рамках СССР границах. Аналогичным образом, Договор об общей делимитации общих государственных границ от 29 октября 1992 года между Чешской Республикой и Словакией подтвердил, что границей между этими двумя новыми государствами при получении ими независимости 1 января 1993 года будет административная граница, существующая между чешской и словацкой частями бывшего государства¹⁰³.

94. Особый интерес представляют Европейские руководящие принципы по признанию новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе, принятые Европейским сообществом и его государствами-членами 16 декабря 1991 года. Они предусматривают общую политику признания в отношении государств, возникающих, в частности, из бывшей Югославии и бывшего Советского Союза, которая требует, среди прочего, «уважения нерушимости *всех* границ, которые могут быть изменены лишь мирным путем и на основе общего согласия»¹⁰⁴. Эта ссылка, таким образом, не ограничивалась международными границами, и, поскольку речь шла о получении независимости целым рядом новых государств из состава бывших федеративных государств, причем все они стали суверенными в пределах границ бывших федеративных союзов, Руководящие принципы являются ценным подтверждением принципа *uti possidetis*.

95. Следовательно, международная практика поддерживает вывод о том, что существует, по крайней мере, очень крепкая презумпция в отношении того, что колония или федеративная либо иная определенная административная единица приобретут независимость в пределах границ, которые они имели в период, непосредственно предшествующий получению независимости. Стороны сами могут договориться изменить линию *uti possidetis*, как в процессе приобретения независимости, так и впоследствии, как с согласия сторон (а не только одной из них), так и на основе признания этого Организацией Объединенных Наций¹⁰⁵.

96. Помимо этого, практика деколонизации по существу показывает, что только в случае легитимации Организацией Объединенных Наций действие этого принципа может быть изменено, и это будет зависеть от международно признанной угрозы миру и безопасности. Примеры Палестины¹⁰⁶ и Руанды-Урунди¹⁰⁷ являются поучительными в этом отношении, поскольку они показывают, что Организация Объединенных Наций была убеждена в том, что по соображениям мира и безопасности рассматриваемая территория должна полу-

¹⁰³ См. Malenovsky, “Problèmes”, *loc.cit.*

¹⁰⁴ 92 *ILR*, p. 174 (эмпфаза добавлена).

¹⁰⁵ Shaw, “Heritage”, *loc.cit.*, p. 141, и резолюция 1608 (XV) Генеральной Ассамблеи. См. также дело *Beagle Channel*, HMSO, 1977, pp. 4–5, и *El Salvador/Honduras*, ICJ Reports, 1992, pp. 351, 408.

¹⁰⁶ См. резолюцию 181 (II) Генеральной Ассамблеи и Shaw, “Heritage”, *loc.cit.*, p. 148.

¹⁰⁷ *Ibid.* См. также T/1551; T/1538; T/L.985 and Add.1; T/L.1004 and T/L.1005; A/5126 and Add.1 и резолюцию 1746 (XVI) Генеральной Ассамблеи.

чить независимость в разделенном виде, и затем Организация Объединенных Наций официально подтвердила это. Однако в этих случаях речь шла о территориях под контролем Организации Объединенных Наций (в качестве подмандатной или подопечной территории, соответственно), и трудно привести пример изменения не на основе согласия линии *uti possidetis* вне этого контекста и в отношении отделения от уже независимого государства или распада такого государства.

В. Принцип самоопределения¹⁰⁸

1. Самоопределение в качестве юридического права

97. Самоопределение стало одним из главных принципов современного международного права, но, в отличие, например, от философского или политического выражения этого принципа, право на самоопределение в соответствии с международным правом приобрело вполне конкретное значение, или, точнее говоря, два конкретных значения.

98. Принцип самоопределения возник, по сути дела, из концепций национальной принадлежности и демократии в Европе XIX века и весьма постепенно распространил сферу своего действия, главным образом благодаря усилиям президента Соединенных Штатов Вильсона. Хотя в Статуте Лиги Наций не содержалось никакой ссылки на этот принцип как таковой и хотя он, несомненно, не был признан в качестве юридического права¹⁰⁹, его воздействие можно проследить в различных положениях о защите меньшинств¹¹⁰ и в создании системы мандатов, основанной, по сути дела, на священной концепции опеки¹¹¹. В деле *Аландские острова* и Международной комиссией юристов, и Комитетом докладчиков было четко признано, что принцип самоопределения не является юридической нормой международного права, а лишь политической концепцией¹¹².

99. Самоопределение, однако, упоминается в Уставе Организации Объединенных Наций. В статье 1(2) сказано, что развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов является одной из целей Организации. Эта формулировка повторяется в статье 55. Хотя самоопределение не получило четкого выражения в качестве

¹⁰⁸ См. в целом, например, A.Cassese, *Self-Determination of Peoples*, Cambridge, 1995; K.Knop, *Diversity and Self-Determination in International Law*, Cambridge, 2002; A.E.Buchanan, *Justice, Legitimacy and Self-Determination*, Oxford, 2004; D.Raic, *Statehood and the Law of Self-Determination*, The Hague, 2002; Crawford, *Creation of States in International Law*, Oxford, 2nd ed., 2006, pp. 107 ff, and Crawford, "The General Assembly, the International Court and Self-Determination" in *Fifty Years of the International Court of Justice* (eds. A.V.Lowe and M.Fitzmaurice), Cambridge, 1996, p. 585; C.Tomuschat (ed.), *Modern Law of Self-Determination*, The Hague, 1993, и Shaw, *International Law, op.cit.*, p. 251 and following.

¹⁰⁹ См., например, A.Cobban, *The Nation-State and National Self-Determination*, London, 1969, и D.H.Miller, *The Drafting of the Covenant*, New York, 1928, vol. II, pp. 12–13.

¹¹⁰ См., например, I.Claude, *National Minorities*, Cambridge, 1955, и J.Lador-Lederer, *International Group Protection*, Leiden, 1968.

¹¹¹ См., например, H.D.Hall, *Mandates, Dependencies and Trusteeships*, Washington, 1948, и Q.Wright, *Mandates under the League of Nations*, Chicago, 1930.

¹¹² LNOJ Supp. No. 3, 1920, pp. 5–6 and Doc. B7/21/68/106[VII], pp. 22–3. См. также J.Bargos, *The Aaland Islands Question*, New Haven, 1968.

юридического права, включение в Устав ссылки на самоопределение, особенно в контексте изложения целей Организации Объединенных Наций, дало возможность для последующего толкования этого принципа. Следует также отметить, что главы XI и XII Устава касаются несамоуправляющихся и подопечных территорий и могут рассматриваться как значимые в контексте разработки и определения права на самоопределение, хотя этот термин прямо не используется.

100. После 1945 года практика в Организации Объединенных Наций, как в общем плане, так и конкретно в связи с определенными делами, может рассматриваться как установившаяся, в конечном итоге, юридическую основу этого права в международном праве. В резолюции 1514 (XV), «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам», принятой в 1960 году 89 голосами при девяти воздержавшихся, причем никто не голосовал против, подчеркивается, например, что:

«все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие».

101. В ней далее отмечается, что недостаточная политическая, экономическая и социальная подготовленность или недостаточная подготовленность в области образования никогда не должны использоваться как предлог для задержки достижения независимости, а попытки, направленные на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместимы с Уставом Организации Объединенных Наций. Декларация о деколонизации установила условия для прений по вопросам самоопределения, сделав акцент на колониальном контексте и на оппозиции отделению, и некоторыми она рассматривалась в качестве обязательного толкования Устава¹¹³. Международный Суд конкретно сослался на Декларацию о деколонизации как «важный этап» в развитии международного права, касающегося несамоуправляющихся территорий, и как «основу для процесса деколонизации»¹¹⁴.

102. В Декларации 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений, которую можно рассматривать как представляющую собой авторитетное толкование семи положений Устава, развиваемых в ней, говорится, в частности:

«В силу принципа равноправия и самоопределения народов, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава».

103. Помимо этого общего, абстрактного подхода, органы Организации Объединенных Наций касались вопроса о самоопределении в целом ряде конкрет-

¹¹³ См., например, O. Asamoah, *The Legal Significance of the Declarations of the General Assembly of the United Nations*, The Hague, 1966, pp. 177–85.

¹¹⁴ Дело *Western Sahara*, ICJ Reports, 1975, pp. 12, 31. Томушат назвал Декларацию о деколонизации «изначальным пунктом для возвышения самоопределения в качестве принципа, генерирующего подлинные юридические права», см. “Secession and Self-Determination” in M.G.Kohen (ed.), *Secession, op.cit.*, p. 23

ных резолюций, касающихся особых ситуаций, и на эту практику можно ссылаться как на подкрепляющую выводы о том, что этот принцип стал правом в международном праве в силу процесса толкования Устава. Генеральной Ассамблеей, равно как и Советом Безопасности приняты многочисленные резолюции¹¹⁵. Вполне возможно также, что создана норма обычного права, поскольку практика в системе Организации Объединенных Наций по-прежнему является практикой государств, однако определение элемента *opinio juris* не является простым и будет зависеть от тщательной оценки и вынесенного решения.

104. В 1966 году Генеральная Ассамблея приняла международные пакты о правах человека. Оба пакта имеют идентичную первую статью, в которой, в частности, провозглашается:

«Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие»,

в то время как участники пактов:

«должны, в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций, поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право».

105. Пакты вступили в силу в 1976 году, и, таким образом, они являются обязательными положениями в отношениях между участниками. Комитет по правам человека, учрежденный на основании Международного пакта о гражданских и политических правах (его юрисдикция была расширена в соответствии с первым Факультативным протоколом), обсуждал природу самоопределения, и это будет отмечено ниже (см. пункты 118–119).

106. Судебные дискуссии вокруг принципа самоопределения являются относительно редкими и достаточно широкими. В консультативном заключении по делу о *Намибии*¹¹⁶ Международный Суд подчеркнул, что «в результате дальнейшего развития закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций норм международного права, касающихся самоуправляющихся территорий, принцип самоопределения стал применимым ко всем таким территориям». Консультативное заключение относительно *Западной Сахары* вновь подтвердило этот момент¹¹⁷.

107. Суд сделал еще один шаг в деле *Восточный Тимор (Португалия против Австралии)*¹¹⁸, когда он постановил, что «утверждение Португалии о том, что право народов на самоопределение в том виде, как оно вытекает из Устава и из практики Организации Объединенных Наций, имеет характер *erga omnes*, безукоризненно». Суд также подчеркнул, что право народов на самоопределение «является одним из основных принципов современного международного права».

---

¹¹⁵ См., например, резолюции Ассамблеи 1755 (XVII); 2138 (XXI); 2151 (XXI); 2379 (XXIII); 2383 (XXIII) и резолюции Совета Безопасности 183 (1963); 301 (1971); 377 (1975) и 384 (1975).

¹¹⁶ ICJ Reports, 1971, pp. 16, 31.

¹¹⁷ ICJ Reports, 1975, pp. 12, 31.

¹¹⁸ ICJ Reports, 1995, pp. 90, 102.

108. В консультативном заключении о *строительстве стены*¹¹⁹ Суд резюмировал позицию следующим образом:

«Суд напоминает, что в 1971 году он подчеркнул, что текущие события в «международном праве в отношении самоуправляемых территорий, как они закреплены в Уставе Организации Объединенных Наций, делают принцип самоопределения применимым ко всем [таким территориям]». Далее Суд заявил, что «эти события не оставляют сомнения в том, что конечной целью священной миссии», о которой говорится в пункте 1 статьи 22 Статута Лиги Наций, «является самоопределение... соответствующих народов» (*Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1971*, p. 31, paras. 52–53). Суд ссылаясь на этот принцип в ряде случаев в своей судебной практике (*ibid.*; см. также *Western Sahara, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1975*, p. 68, para. 162). Суд четко заявил, что право народов на самоопределение сегодня является нормой *erga omnes* (см. *East Timor (Portugal v. Australia), Judgment, I.C.J. Reports 1995*, p. 102, para. 29)».

109. Подтверждение статуса принципа самоопределения было дано Верховным судом Канады в 1998 году в деле *по запросу об отделении Квебека (Reference re Secession of Quebec)*¹²⁰. Суд ответил на второй из трех поставленных вопросов, касавшийся того, существует ли в международном праве право на самоопределение, которое дало бы Квебеку право отделиться в одностороннем порядке, заявив, что принцип самоопределения «приобрел статус, выходящий за рамки «обычая», и рассматривается как общий принцип международного права»¹²¹.

110. Поскольку нельзя отрицать, что принцип самоопределения имеет правовую норму, возникает вопрос относительно ее масштабов и сферы применения. Хотя обычная формулировка, содержащаяся в международных документах¹²², от Декларации о деколонизации 1960 года до Декларации 1970 года о принципах международного права и международных пактов о правах человека 1966 года, касается права «всех народов» «свободно» определять «свой политический статус», международная практика недвусмысленно дает понять, что не все «народы», как они определяются в политико-социологическом смысле¹²³, признаются в международном праве как способные свободно определять свой политический статус, вплоть до и включая отделение от признанного незави-

¹¹⁹ ICJ Reports, 2004, pp. 136, 172. См. также *ibid.*, p. 199.

¹²⁰ [1998] 2 S.C.R. 217. Первый вопрос касался того, существует ли или нет в канадском конституционном праве право на отделение, а третий вопрос касался того, будет ли в случае коллизии иметь приоритет конституционное или международное право.

¹²¹ *Ibid.*, para. 115.

¹²² См. также статью 20 Африканской хартии прав человека и народов 1981 года, предусматривающую, что «все народы имеют право на существование. Они имеют неоспоримое и неотъемлемое право на самоопределение. Они свободно определяют свой политический статус и осуществляют свое экономическое и социальное развитие в соответствии с политикой, которую они свободно избрали».

¹²³ См., например, Cobban, *Nation-State*, p. 107, и K.Deutsche, *Nationalism and Social Communications*, New York, 1952. См. также *Greco-Bulgarian Communities case*, PCIJ, Series B, No. 17; 5 AD, p. 4.

симого государства. Фактически, практика показывает, что это право признано за «народами» в строго определенных обстоятельствах.

II. Характер и сфера действия права на самоопределение

111. Можно высказать следующие суждения, основанные на международной практике и доктрине.

a) *Самоопределение применяется к подмандатным и подопечным территориям*

112. Право на самоопределение было впервые признано в качестве применимого к подмандатным и подопечным территориям, т.е. колониям держав, потерпевших поражение в двух мировых войнах. Такие территории должны были управляться в соответствии с принципом, согласно которому «благополучие и развитие этих народов составляет священную миссию цивилизации». Соответственно, опека над такими народами поручалась «развитым нациям, которые по причинам их ресурсов, их опыта или их географического положения» могли нести такую ответственность. Эта ответственность осуществлялась ими в качестве мандатариев от имени Лиги¹²⁴. По окончании Второй мировой войны и после распада Лиги мандатная система была преобразована в систему опеки Организации Объединенных Наций на основании глав XII и XIII Устава Организации Объединенных Наций¹²⁵.

b) *Самоопределение применяется к самоуправляющимся территориям согласно Уставу Организации Объединенных Наций*

113. Право на самоопределение было впоследствии признано в качестве применимого ко всем самоуправляющимся территориям, как это зафиксировано в Уставе Организации Объединенных Наций. Важным шагом в этом процессе стала Декларация о деколонизации 1960 года, в которой содержался призыв к обеспечению права на самоопределение в отношении всех колониальных стран и народов, не достигших своей независимости, и это было подтверждено Международным Судом в двух консультативных заключениях¹²⁶. В основе политики Организации Объединенных Наций лежало положение о том, что «территория колонии или другая самоуправляющаяся территория имеет согласно Уставу Организации Объединенных Наций статус, отдельный и отличный от статуса территории государства, управляющего ею», и что такой статус будет существовать до тех пор, пока народ этой территории не осуществит свое право на самоопределение¹²⁷. В деле об *отделении Квебека* Верховный суд Канады сде-

¹²⁴ См. статью 22 Статута Лиги Наций. См. также *International Status of South West Africa*, ICJ Reports, 1950, pp. 128, 132; the *Namibia case*, ICJ Reports, 1971, pp. 16, 28–9; *Certain Phosphate Lands in Nauru*, ICJ Reports, 1992, pp. 240, 256; и *Cameroon v. Nigeria*, ICJ Reports, 2002, pp. 303, 409.

¹²⁵ См., например, *Certain Phosphate Lands in Nauru*, ICJ Reports, 1992, pp. 240, 257, и *Cameroon v. Nigeria*, ICJ Reports, 2002, pp. 303, 409.

¹²⁶ См. дело о *Намибии*, ICJ Reports, 1971, pp. 16, 31, и дело о *Западной Сахаре*, ICJ Reports, 1975, pp. 12, 31–3. См. также дело о *строительстве стены*, ICJ Reports, 2004, pp. 136, 172.

¹²⁷ Декларация 1970 года о принципах международного права. Следует также отметить, что в резолюции 1541 (XV) заявлено, что существует обязательство передавать информацию о тех территориях, «которые географически расположены отдельно и отличаются в этническом и (или) культурном отношении от управляющей ими страны».

лал вывод о том, что «[п]раво колониальных народов осуществлять свое право на самоопределение путем откола от «имперской» державы является сейчас бесспорным»¹²⁸.

114. Принцип самоопределения предусматривает, что народ характеризуемой как колония территориальной единицы, о которой идет речь, может свободно определять свой собственный политический статус. Такое определение может иметь своим результатом независимость, интеграцию с соседним государством, свободную ассоциацию с независимым государством или любой иной политической статус, свободно выбранный соответствующим народом¹²⁹.

с) *Самоопределение применяется к территориям, находящимся под иностранной оккупацией*

115. В Декларации 1970 года о принципах международного права отмечается, что «подчинение народов иностранному игу, господству и эксплуатации является нарушением настоящего принципа [самоопределения], равно как и отказом в основных правах человека, и противоречит Уставу Организации Объединенных Наций», в то время как в статье 1(4) Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 года, принятого в 1977 году, упоминаются «вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществление своего права на самоопределение, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций и в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций». Верховный суд Канады также сослался на право на самоопределение в контексте иностранной военной оккупации¹³⁰.

116. Палестинский народ, находящийся под израильской оккупацией с войны 1967 года, был, в частности, признан в качестве имеющего право на самоопределение. Это было отмечено в ряде резолюций Организации Объединенных Наций¹³¹ и в консультативном заключении Международного Суда по делу о *строительстве стены*¹³². Еще одним примером этого может, в частности, быть Афганистан под советской оккупацией¹³³.

¹²⁸ [1998] 2 S.C.R. 217, para. 132.

¹²⁹ *Western Sahara case*, ICJ Reports, 1975, pp. 12, 33 and 68. См. также Judge Dillard, *ibid.*, p. 122; 59 ILR, pp. 30, 50, 85, 138. См. резолюцию 1541 (XV) Генеральной Ассамблеи и Декларацию 1970 года о принципах международного права.

¹³⁰ The *Quebec Secession case*, [1998] 2 S.C.R. 217, para. 138.

¹³¹ См., например, резолюции 3236 (XXIX), 55/85 и 58/163 Генеральной Ассамблеи. См. также резолюции 38/16 и 41/100 Генеральной Ассамблеи и Cassese, *Self-Determination, op.cit.*, p. 92 and following.

¹³² ICJ Reports, 2004, pp. 136, 183, 197 and 199. См. также, например, Cassese, *Self-Determination, op.cit.*, pp. 90–9.

¹³³ См., например, Cassese, *Self-Determination, op.cit.*, p. 94 and following.

d) Самоопределение применяется в пределах государств в качестве нормы прав человека

117. Кассезе писал¹³⁴:

«Внутреннее самоопределение означает право на подлинное самоуправление, т.е. право народа действительно и свободно выбирать свой собственный политический и экономический режим, а это значит гораздо больше, чем выбирать из того, что предлагается, возможно, только с одной политической или экономической позиции. Это — постоянное право. В отличие от внешнего самоопределения для колониальных народов, которое согласно обычному международному праву прекращает существовать, как только оно осуществляется, право на внутреннее самоопределение не ликвидируется и не ослабляется тем, что оно уже было раз использовано и реализовано».

118. Этот аспект самоопределения применяется к различным контекстам, но с общей темой признания юридических прав общин людей в признанных территориальных пределах независимого государства.

i) Общее положение

119. Толкование самоопределения как принципа коллективных прав человека было проанализировано Комитетом по правам человека при толковании статьи 1 Пакта о гражданских и политических правах¹³⁵. В своем замечании общего порядка о самоопределении в 1984 году Комитет подчеркнул, что реализация этого права является «важнейшим условием для эффективной гарантии и соблюдения прав человека отдельных лиц»¹³⁶. Комитет придерживается той точки зрения, как отмечал Хиггинс¹³⁷, что:

«внешнее самоопределение требует, чтобы государство принимало в своей внешней политике меры, согласующиеся с достижением самоопределения в остающихся районах, находящихся под колониальной или расистской оккупацией. Однако внутреннее самоопределение направлено на их собственные народы».

¹³⁴ *Self-Determination, op.cit.*, p. 101.

¹³⁵ См., в частности, D.McGoldrick, *The Human Rights Committee*, Oxford, 1994, chapter 5; Cassese, *Self-Determination, op.cit.*, p. 59 and following, и M.Nowak, *UN Covenant on Civil and Political Rights, CCPR Commentary*, Kehl, 2nd edn., 2005, part 1.

¹³⁶ Замечание общего порядка 12: см. HRI/GEN/1/Rev.1, p. 12, 1994. Однако этот принцип рассматривается как коллективный, а не как принцип, согласно которому отдельные лица могут добиваться его осуществления посредством процедур индивидуальных петиций, предусмотренных в первом Факультативном протоколе к Пакту, см., например, дело *Kitok*, Доклад Комитета по правам человека, A/43/40, стр. 224, 231–232; дело *Lubicon Lake Band*, A/45/40, том II, стр. 1, 31; и дело *RL v. Canada*, A/47/40, стр. 391, 400. Вместе с тем в деле *Mahuika et al. v. New Zealand* Комитет придерживался той точки зрения, что положения статьи 1 могут применяться при толковании других прав, защищаемых Пактом, в частности статьи 27 о правах лиц, принадлежащих к меньшинствам, A/56/40, том II, приложение X, А. См. также *Diergaardt et al. v. Namibia*, A/55/40, том II, приложение IX, раздел М, пункт 10.3.

¹³⁷ R.Higgins, “Postmodern Tribalism and the Right to Secession” in C.Brölmann, R.Lefebber and M.Zieck (eds.), *Peoples and Minorities in International Law*, Dordrecht, 1993, p. 31.

120. В своих дискуссиях по вопросу о самоопределении Комитет призывает государства-участники представлять в их докладах детальную информацию об участии в социальных и политических структурах¹³⁸, а в рамках диалога с представителями государств-участников регулярно поднимаются вопросы о том, как функционируют политические институты и как народ соответствующего государства участвует в управлении государством¹³⁹. Это неизбежно увязывается с рассмотрением других статей Пакта, касающихся, например, свободы выражения своего мнения (статья 19), свободы мирных собраний (статья 21), свободы ассоциации (статья 22) и права принимать участие в ведении государственных дел и права голосовать (статья 25). Таким образом, право на самоопределение обеспечивает общие рамки для рассмотрения принципов, связанных с демократическим управлением.

121. В 1996 году Комитет по ликвидации расовой дискриминации принял Общую рекомендацию 21, в которой он также разделил самоопределение на внешний и внутренний аспекты. Первый из них:

«предполагает, что все народы имеют право свободно определять свой политический статус и свое место в международном сообществе на основе принципа равноправия и с учетом примера освобождения народов от колониализма, а также запрещения подвергать народы иностранному порабощению, господству и эксплуатации»,

в то время как последний касается:

«права каждого гражданина участвовать в ведении государственных дел на любом уровне. В этом отношении существует связь с правом каждого гражданина участвовать в ведении государственных дел на любом уровне...»¹⁴⁰.

122. Этот вопрос был затронут Верховным судом Канады в деле об *отделении Квебека*, в связи с которым было отмечено, что самоопределение «обычно реализуется посредством *внутреннего* самоопределения, что означает осуществление народом своего политического, экономического, социального и культурного развития в рамках существующего государства»¹⁴¹.

ii) Меньшинства

123. Международная защита меньшинств осуществлялась под различной личиной¹⁴². После Первой мировой войны и распада Германской, Оттоманской,

¹³⁸ См., например, доклад Колумбии, ССРР/С/64/Add.3, стр. 12 и далее, 1991 год. В третьем периодическом докладе Перу было отмечено, что первый пункт статьи 1 Пакта «посвящен праву любого народа на самоопределение. В силу этого права любой народ свободно устанавливает свой политический и экономический статус, учреждая для этого соответствующую форму правления, отвечающую заданным целям», ССРР/С/83/Add.1, 1995, стр. 4.

¹³⁹ См., например, в отношении Канады, А/46/40, стр. 12–13. См. также А/45/40, стр. 129–131, в отношении Заира.

¹⁴⁰ А/51/18.

¹⁴¹ [1998] 2 S.C.R. 217, para. 126. Эмфаза содержится в подлиннике.

¹⁴² См., например, M.Weller, *Universal Minority Rights: A Commentary on the Jurisprudence of International Courts and Treaty Bodies*, Oxford, 2007; R.Higgins, “Minority Rights: Discrepancies and Divergencies Between the International Covenant and the Council of Europe System” in *Liber Amicorum for Henry Schermers*, Dordrecht, 1994, p. 193; P.Thornberry,

Российской и Австро-Венгерской империй в сочетании с возникновением ряда независимых национальных государств в Восточной и Центральной Европе была достигнута серия договоренностей о защите прав тех расовых, религиозных или языковых групп меньшинств, которым нельзя было предоставить суверенитет и государственность¹⁴³. Такие положения представляли собой обязательства международного характера, и их нельзя было изменить без согласия большинства членов Совета Лиги Наций. Совет должен был принимать меры в случае любого нарушения обязательств, касающихся меньшинств. Также существовала процедура обращения меньшинств с петициями в Лигу, хотя они и не имели никакого веса ни в Совете, ни в Постоянной палате международного правосудия¹⁴⁴. После Второй мировой войны центр внимания переместился на международную защиту универсальных прав человека отдельных лиц, хотя несколько документов, касавшихся конкретных ситуаций, содержали положения, относящиеся к защите меньшинств¹⁴⁵.

124. Только с принятием Международного пакта о гражданских и политических правах в 1966 году вопрос о правах меньшинств вновь появился в международной повестке дня. Статья 27 Пакта предусматривает, что «[в] тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком». Эта осторожная формулировка четко указывала на то, что подобные права меньшинств принадлежали членам таких групп, а не самим группам, в то время как рамками для осуществления этого положения были рамки самого государства. В 1994 году после длительных обсуждений Комитет принял замечание общего порядка по статье 27¹⁴⁶. В замечании общего порядка указывалось на различие между правами лиц, принадлежащих к меньшинствам, с одной стороны, и правом на самоопределение и правом на равенство и защиту от дискриминации, с другой. Было особо подчеркнуто то, что права согласно статье 27 не наносят ущерба суверенитету и территориальной целостности государств.

125. В декабре 1992 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла Декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. В статье 1 предусмотрено, что государства «охраняют на их соответствующих территориях существование и самобытность национальных или этнических, культурных, религиозных и языковых меньшинств» (эмфаза добавлена) и принимают надлежащие законодательные и другие меры для достижения этих целей. В Декларации заявлено, в частности, что лица, принадлежащие к меньшинствам, имеют право пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и отправ-

---

International Law and Minorities, Oxford, 1991; H.Hannum (ed.), *Documents on Autonomy and Minority Rights*, Dordrecht, 1993; J.Rehman, *The Weakness in the International Protection of Minority Rights*, The Hague, 2000; и the Capotorti Study on the Rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities, E/CN.4/Sub.2/384/Rev.1, 1979.

¹⁴³ См. в целом Thornberry, *International Law and Minorities*, pp. 38 ff.

¹⁴⁴ См., например, the Capotorti Report, *op.cit.*, pp. 20–2.

¹⁴⁵ См., например, Annex IV of the Treaty of Peace with Italy, 1947; the Indian-Pakistan Treaty, 1950, and article 7 of the Austrian State Treaty, 1955. См. также положения документов, касающихся независимости Кипра, Cmnd 1093, 1960.

¹⁴⁶ Замечание общего порядка № 23, HRI/GEN/1/Rev.1, стр. 43.

лять религиозные обряды, а также использовать свой язык в частной жизни и публично, без каких бы то ни было преград. Такие лица имеют также право эффективно участвовать в культурной, социальной, экономической и публичной жизни. Вместе с тем, Декларация завершается недвусмысленным заявлением о том, что « [н]ичто в настоящей Декларации не может быть истолковано как допускающее какую бы то ни было деятельность, противоречащую целям и принципам Организации Объединенных Наций, включая принципы уважения суверенного равенства, территориальной целостности и политической независимости государств»¹⁴⁷.

126. Аналогичным образом, Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, принятая Советом Европы в 1995 году, устанавливает в качестве одной из своих целей, как указано в преамбуле, «эффективную защиту национальных меньшинств и прав и свобод лиц, принадлежащих к ним, при соблюдении верховенства права и уважении территориальной целостности и государственного суверенитета», одновременно с этим предусматривая конкретно, что «[н]ичто в настоящей рамочной Конвенции не может быть истолковано как подразумевающее какое-либо право любого отдельного лица заниматься какой-либо деятельностью или совершать какие-либо действия, противоречащие основополагающим принципам международного права, особенно принципам суверенного равенства, территориальной целостности и политической независимости государств».

iii) Коренные народы

127. Кроме того, международное право все в большей мере занимается особым положением коренных народов¹⁴⁸. Признавая особое положение таких народов в том, что касается территории, с которой они имеют давние связи, соответствующие международные документы неизменно ограничивали признаваемые или предоставляемые права ссылкой на необходимость уважать территориальную целостность государства, в котором живут такие народы. Конвенция № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах, принятая Международной организацией труда в 1989 году, подчеркивает в преамбуле стремление коренных народов «к осуществлению контроля над их собственными институтами, их образом жизни и их экономическим развитием, их стремление к сохранению и развитию их самобытности, языка и религии *в рамках тех государств, в которых они проживают*» (эмпфаза добавлена).

128. Декларация о правах коренных народов была принята Организацией Объединенных Наций в 2007 году¹⁴⁹. Декларация, отмечая, что коренные народы имеют право, коллективно и индивидуально, на полное осуществление всех прав человека и основных свобод, признанных в Уставе Организации Объеди-

¹⁴⁷ Статья 8 (4).

¹⁴⁸ См., например, P.Thornberry, *Indigenous Peoples and Human Rights*, Manchester, 2002; S.Marquardt, "International Law and Indigenous Peoples", 3 *International Journal on Group Rights*, 1995, p. 47; R.Barsh, "Indigenous Peoples: An Emerging Object of International Law", 80 *American Journal of International Law*, 1986, p. 369; J.Anaya, *Indigenous Peoples in International Law*, Oxford, 2nd edn., 2004, и G.Bennett, *Aboriginal Rights in International Law*, London, 1978. См. также *Justice Pending: Indigenous Peoples and Other Good Causes* (eds. G.Alfredsson and M.Stavropoulou), The Hague, 2002.

¹⁴⁹ Резолюция 61/295 Генеральной Ассамблеи.

ненных Наций, Всеобщей декларации прав человека и в нормах международного права, касающихся прав человека, конкретно признала их право на самоопределение¹⁵⁰. При осуществлении их права на самоопределение, как было отмечено, коренные народы имеют право на автономию или самоуправление в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам, а также путям и средствам финансирования их автономных функций¹⁵¹. Определяя, по сути дела, значение самоопределения для коренных народов, Декларация в пункте 46(1) подчеркнула следующий момент:

«Ничто в настоящей Декларации не может толковаться как подразумевающее какое-либо право любого государства, народа, группы лиц или отдельного лица заниматься любой деятельностью или совершать любые действия в нарушение Устава Организации Объединенных Наций или рассматриваться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности и политического единства суверенных и независимых государств».

e) *Самоопределение усиливает суверенное равенство и территориальную целостность государств*

129. Соответствующая формулировка Устава Организации Объединенных Наций предусматривает в статье 1(2), что одна из целей Организации состоит в том, чтобы «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов», а в статье 55 содержится ссылка на «мирные и дружеские отношения между нациями, основанные на уважении принципа равноправия и самоопределения народов». Хотя эта терминология является несколько неясной, единственное логичное толкование этой фразы заключается в том, что дружеские отношения между государствами (поскольку в Уставе термин «нации» имеет именно это значение)¹⁵² должны развиваться на основе уважения принципа равноправия государств, который является уже давно сложившимся принципом международного права. Ссылка на самоопределение народов появляется в Уставе как означающая либо население того или иного государства — члена Организации Объединенных Наций¹⁵³, либо население несамостоятельной или подопечной территории¹⁵⁴. Следовательно, принцип самоопределения, как он воплощен в Уставе Организации Объединенных Наций, может толковаться как усиливающий

¹⁵⁰ Статьи 1 и 3.

¹⁵¹ Статья 4. В Декларации также отмечается, что коренные народы имеют право сохранять и укреплять свои особые политические, экономические, социальные и культурные характеристики, а также свои правовые системы, сохраняя при этом свое право на полное участие в жизни государства (статья 5), право на гражданство (статья 6) и коллективное право на жизнь в условиях свободы и безопасности в качестве самобытных народов и не должны подвергаться никаким актам геноцида или насилия (статья 7(2)). Они также имеют право не подвергаться принудительной ассимиляции или воздействию в целях уничтожения их культуры (статья 8).

¹⁵² См. помимо названия организации («Организация Объединенных Наций») и упомянутых выше статей, преамбулу и статью 14.

¹⁵³ Следует отметить ссылку в начале преамбулы на «Мы, народы Объединенных Наций» и далее на «наши соответственные правительства», учреждающие Организацию Объединенных Наций.

¹⁵⁴ См., соответственно, статьи 73 и 76.

принцип уважения территориальной целостности государств, поскольку он представляет собой подтверждение принципа суверенного равенства, а также колониальных территорий *mutatis mutandis*. Это, в свою очередь, подчеркивает принцип невмешательства государств во внутренние дела других государств.

130. Кельсен отмечал, что самоопределение, как оно выражено в Уставе, лишь подчеркивает концепцию суверенитета государств. Он отметил, что, поскольку «самоопределение народов обычно обозначает принцип внутренней политики, принцип демократического правления», а в статье 1(2) содержится ссылка на отношения между государствами, и поскольку «термин «народы» также... в связи с «равноправием» означает, по-видимому, государства, ибо только государства имеют «равноправие» согласно общему международному праву,... то в этом случае самоопределение народов в статье 1(2) может означать только суверенитет государств»¹⁵⁵. Хотя сейчас эта точка зрения может ретроспективно рассматриваться как чересчур осторожная, тот факт, что самоопределение усиливает принципы суверенного равенства государств и невмешательства, остается столь же весомым. И действительно, Хиггинс писал:

«Как в статье 1(2), так и в статье 55 контекст, как представляется, означает право народов одного государства быть защищенным от вмешательства других государств или правительств»¹⁵⁶.

131. Более того, в контексте деколонизации, поскольку самоопределение понимается как означающее, что народ определяемой в качестве колонии территориальной единицы может свободно определять свой политический статус (вплоть до и включая независимость), но в тех же колониальных рамках, если только Организация Объединенных Наций иным образом не признает, что народы в пределах территории не могут жить в одном государстве и что эта ситуация может создать угрозу миру и безопасности¹⁵⁷, одним из последствий осуществления самоопределения является установление территориальных пределов нового созданного государства, которое затем защищается посредством применения — в дополнение ко всему прочему — принципа уважения его территориальной целостности.

f) Самоопределение не санкционирует отделение

a) Общий принцип

132. Вне особого контекста деколонизации, которая может рассматриваться, а может и не рассматриваться как некая форма «отделения», международное право является недвусмысленным в том, что оно не предусматривает право на отделение от независимых государств. Практика, рассмотренная в разделе A.I

¹⁵⁵ *Law of the United Nations* (1950), pp. 51–3. См. также pp. 29–32. См. в целом Schwelb, “The International Court of Justice and the Human Rights Clauses of the Charter”, 66 *American Journal of International Law*, 1972, p. 337. В этом докладе Комиссии I Докладчик отметил, что, как понимается, «принцип равноправия народов и принцип самоопределения являются двумя составляющими элементами одной нормы». Summary Reports of Committee I/I DOC.1/1/1 of 16 May 1945, 6 *UNCIO Docs.*, p. 296.

¹⁵⁶ “Self-Determination and Secession” in J.Dahlitz (ed.), *Secession and International Law*, New York, 2003, pp. 21, 23. См. также T. M.Franck, *The Power of Legitimacy Among Nations*, Oxford, 1990, p. 153 and following, и Franck, “Fairness in the International Legal and Institutional System”, 240 HR, 1993 III, pp. 13, 127–49.

¹⁵⁷ См. пункт 95 выше.

выше относительно основополагающей нормы территориальной целостности, четко демонстрирует это. И действительно, такая норма имела бы мало смысла, если бы право на отделение согласно международному праву было признано в качестве применимого к независимым государствам.

133. Организация Объединенных Наций всегда выступала решительно против любой попытки, направленной на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность любого государства. В пункте 6 Декларации 1960 года о деколонизации, например, было подчеркнуто, что:

«всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций»,

а в преамбуле Декларации о принципах международного права 1970 года содержатся следующие пункты:

«напоминая об обязанности государств воздерживаться в своих международных отношениях от военной, политической, экономической или какой-либо другой формы давления, направленного против политической независимости или территориальной целостности любого государства,

считая существенно важным, чтобы все государства в своих международных отношениях воздерживались от угрозы силой или ее применения как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций,

будучи убеждена поэтому в том, что любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности государства или страны или их политической независимости, несовместима с целями и принципами Устава».

134. Кроме того, было конкретно отмечено, что:

«Каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны».

135. Этот подход также подчеркивался в региональных документах. Например, в статье III(3) Устава ОАЕ подчеркивается принцип «уважения суверенитета и территориальной целостности каждого государства и его неотъемлемого права на независимое существование», а в принципе VIII Хельсинкского Заключительно акта подчеркивается:

«Государства-участники будут уважать равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, действуя постоянно в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций и соответствующими нормами международного права, включая те, которые относятся к территориальной целостности государств»¹⁵⁸.

---

¹⁵⁸ Принцип IV, касающийся территориальной целостности государств, подчеркивает уважение этого принципа, отмечая, что государства-участники «будут воздерживаться от

136. Кроме того, в Парижской хартии 1990 года было заявлено, что государства-участники:

«вновь подтвержда[ют] равноправие народов и их право распоряжаться своей судьбой в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и соответствующими нормами международного права, включая те, которые относятся к территориальной целостности государств».

137. Международная практика демонстрирует, что самоопределение не истолковывается как означающее, что любая группа, обозначающая себя в качестве таковой, может определять для себя свой собственный политический статус вплоть до и включая отделение от уже независимого государства¹⁵⁹. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций подчеркивал, что:

«будучи международной организацией, Организация Объединенных Наций никогда не признавала и не признает — и я не верю, что она когда-нибудь признает, — принцип отделения части государства-члена»¹⁶⁰.

138. Арбитражная комиссия по Югославии в Заключении № 2 подчеркнула, что:

«независимо от обстоятельств, право на самоопределение не должно влечь за собой изменения границ, существующих при получении независимости (*uti possidetis juris*), кроме как в случаях, когда соответствующие государства договариваются об ином»¹⁶¹,

а Верховный суд Канады в деле об *отделении Квебека* пришел к выводу о том, что:

«международное право предполагает, что право на самоопределение будет осуществляться народами в пределах существующих суверенных государств и сообразно с поддержанием территориальной целостности этих государств... Принцип международного права, касающийся самоопределения, сложился в рамках уважения территориальной целостности существующих государств. Различные международные документы, поддерживающие существование права народов на самоопределение, содержат также параллельные заявления в поддержку вывода о том, что осуществление такого права должно быть в достаточной мере ограниченным, дабы не допускать угроз территориальной целостности существующих государств или стабильности отношений между суверенными государствами»¹⁶².

любых действий, несовместимых с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций, против территориальной целостности, политической независимости или единства любого государства-участника, см. пункт 38 выше.

¹⁵⁹ См., например, Н. Hannum, *Autonomy, Sovereignty and Self-Determination*, Pennsylvania, 1990, p. 469; Higgins, *op. cit.*, p. 121; Franck, *Fairness, op. cit.* p. 149 et seq. и Cassese, *op. cit.*, p. 122.

¹⁶⁰ *UN Monthly Chronicle* (February 1970), p. 36. См. также the comment by the UK Foreign Minister that “it is widely accepted at the United Nations that the right of self-determination does not give every distinct group or territorial sub-division within a state the right to secede from it and thereby dismember the territorial integrity or political unity of sovereign independents”, 54 *BYIL*, 1983, p. 409.

¹⁶¹ 92 *ILR*, p. 168.

¹⁶² [1998] 2 S.C.R. 217, paras. 122 and 127.

139. Ведущие авторы пришли к такому же общему выводу. Касезе писал:

«С момента возникновения на международной арене политического принципа самоопределения государства яростно отвергают даже возможность того, что народностям, группам и меньшинствам будет предоставлено право отделения от той территории, на которой они проживают. Территориальная целостность и суверенные права неизменно рассматриваются в качестве первоначально важных; по сути дела, их считают завершающими полемику на данную тему»¹⁶³.

140. В заключение этот же автор приводит замечание о том, что:

«международный свод правовых норм в отношении самоопределения не включает никакого правила, дающего этническим группам и меньшинствам право на отделение, с тем чтобы стать отдельным и отличным независимым образованием»¹⁶⁴.

141. Кроуфорд писал, что:

«С 1945 года международное сообщество крайне неохотно соглашается с односторонним отделением частей независимых государств, если против отделения выступает правительство этого государства. В таких случаях существенным ограничением является принцип территориальной целостности. С 1945 года ни одно государство, образованное в результате одностороннего отделения, не было принято в Организацию Объединенных Наций вопреки объявленным пожеланиям государства-предшественника»¹⁶⁵.

142. Он завершает следующим:

«Резюмируя вышесказанное, вне колониального контекста принцип самоопределения не признается в качестве порождающего односторонние права на отделение частей независимых государств... С 1945 года практика государств указывает на крайнее нежелание государств признавать одностороннее отделение вне колониального контекста. Эта практика не изменилась с 1989 года, несмотря на возникновение в течение этого периода 23 новых государств. Напротив, эта практика была значительно усилена»¹⁶⁶.

b) Довод об обратном — «Спасательная» или «защитная» клаузула Декларации 1970 года о принципах международного права

143. В относящемся к самоопределению разделе Декларации 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений, содержится следующее положение:

«Ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых

---

¹⁶³ *Op. cit.*, p. 122.

¹⁶⁴ *Ibid.*, p. 339.

¹⁶⁵ *Op. cit.*, p. 390.

¹⁶⁶ *Ibid.*, p. 415.

государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории»¹⁶⁷.

144. Направленность этой клаузулы заключается в том, чтобы усилить примат принципа территориальной целостности и политического единства суверенных и независимых государств, одновременно с этим подтверждая важность того, чтобы государства вели себя в соответствии с принципом самоопределения. Главным изначальным пунктом является, несомненно, принцип территориальной целостности, поскольку его значимость имеет в этой клаузуле существенное значение, запрещая действия, которые могли бы так или иначе пагубно сказаться на территориальной целостности государств. Более того, нужно отметить, что сразу за этой клаузулой следует заявление о том, что «[к]аждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны». Это положение приводится без каких бы то ни было условий или оговорок, и оно не ставится в зависимость от той или иной конкретной фактической ситуации. Это совпадение вряд ли может быть случайным.

145. Во-вторых, эта клаузула предусматривает определение принципа самоопределения в плане представительного и недискриминационного характера правительства, с тем чтобы народ мог действительно осуществлять такое право посредством участия в управлении государством, о котором идет речь, на основе равенства. Это является ясной ссылкой на «внутреннее самоопределение», как оно было проанализировано и признано Комитетом по правам человека в рамках осуществления статьи 1 Международного пакта о гражданских и политических правах, выражающей право всех народов на самоопределение.

146. Некоторые, однако, делают вывод с помощью довода об обратном, или *a contrario*, т.е. что государства, которые не ведут себя в соответствии с принципом самоопределения, не защищаются, соответственно, принципом территориальной целостности, предусматривая тем самым право на отделение. Даже те авторы, которые приходят к такому выводу, выражают свои мнения крайне осторожно и нерешительно. Касезе, например, делает вывод о том, что:

«расовая или религиозная группа может предпринять попытку отделения, что является формой внешнего самоопределения, когда становится очевидным, что внутреннее самоопределение абсолютно недостижимо. Крайние и неослабные преследования и отсутствие каких-либо разумных перспектив мирного оспаривания могут сделать отделение законным»¹⁶⁸,

а Кроуфорд отмечал, что:

«можно доказывать, что в экстремальных случаях угнетения международного право позволяет «лечебное» отделение для разобщенных народов в пределах того или иного государства и что «защитные клаузулы» в Декла-

¹⁶⁷ См. также аналогичное положение в Венской декларации Всемирной конференции Организации Объединенных Наций по правам человека 1993 года.

¹⁶⁸ *Op.cit.*, p. 120.

рации о дружественных отношениях и в Венской декларации признают это, пусть даже косвенно»¹⁶⁹.

147. Верховный суд Канады в деле об *отделении Квебека* упомянул этот вопрос, отметив отсутствие ясности в отношении того, действительно ли довод об обратном отражает «установившуюся норму международного права», и в любом случае придя к выводу о том, что он не имеет отношения к ситуации с Квебеком¹⁷⁰.

148. Следует высказать замечание более общего порядка. Было бы крайне необычно, если бы существенное изменение в правовом принципе, такое, как узаконивание права на отделение от независимого государства, пусть даже в экстремальных обстоятельствах, было внесено путем двусмысленной подчиненной клаузулы, сформулированной негативным образом, особенно когда принцип территориальной целостности принят и провозглашен как один из основных принципов международного права. Кроме того, принцип территориальной целостности повторяется как перед определяющей клаузулой в рассматриваемом положении, так и сразу же после этого пункта. Следует также подчеркнуть, что в Декларации 1970 года предусмотрено, что каждый принцип, содержащийся в Декларации, должен толковаться в контексте других принципов и что все эти принципы являются взаимосвязанными. Принцип суверенного равенства включает безоговорочное положение о том, что «территориальная целостность и политическая независимость государства неприкосновенны». Соответственно, трудно сделать вывод о том, что «спасательная» или «защитная» клаузула столь косвенно предусматривает такое важное исключение из принципа территориальной целостности.

149. К тому же, реальная практика, демонстрирующая успешное применение этого положения, отсутствует, даже когда она ограничивается «крайними» преследованиями. Это особенно справедливо тогда, когда определяющая норма уважения территориальной целостности является столь глубоко укоренившейся.

С. Ревизионистские притязания Армении и ответы на них

150. Ревизионистские притязания Армении в отношении самоопределения и территориальной целостности принимают следующую форму¹⁷¹.

---

¹⁶⁹ *Op.cit.*, p. 119.

¹⁷⁰ [1998] 2 S.C.R. 217, para. 135.

¹⁷¹ См., например, первоначальный доклад Армении Комитету по правам человека, ССРР/C/92/Add.2, 30 апреля 1998 года; и первоначальный доклад Армении Комитету по экономическим, социальным и культурным правам, E/1990/5/Add.36, 9 декабря 1998 года. См. также S.Avakian, "Nagorno-Karabagh: Legal Aspects", 2005, имеется на веб-сайте министерства иностранных дел Армении <http://www.armenianforeignministry.com/fr/nk/legalaspects/legalaspect_text.pdf>, и вербальную ноту Постоянного представительства Армении в адрес Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, озаглавленную «Право народов на самоопределение и его применение в отношении народов, находящихся под колониальным и иностранным господством или иностранной оккупацией», E/CN.4/2005/G/23, 22 марта 2005 года, которая, по сути дела, представляет собой тот же документ без приложений.

a) *До получения Азербайджаном независимости*

151. Армения делает ряд исторических утверждений. Она утверждает, что Нагорный Карабах был произвольно передан Азербайджанской Советской Республике 5 июля 1921 года со статусом автономной области. В Советском Союзе, как утверждается, Нагорно-Карабахская автономная область подвергалась давлению в целях сокращения этнического армянского населения¹⁷². Однако хорошо известно, что Нагорный Карабах на протяжении веков был частью Азербайджана и что вследствие территориальных притязаний Армении 5 июля 1921 года было принято решение оставить Нагорный Карабах в рамках Азербайджана¹⁷³. Более того, имеются также хорошие документальные доказательства того, что область обладала всеми существенно важными элементами самоуправления и что она развивалась даже быстрее, чем Азербайджан в целом. Тем не менее, какой бы ни была правда об утверждениях Армении, они не могут повлиять на правовое положение, как оно существовало в ходе критического периода вплоть до получения — и включая получение — Азербайджаном независимости, или на правовое положение после получения такой независимости, поскольку в ином случае международное сообщество столкнется с множеством ревизионистских притязаний, основанных на исторических аргументах.

152. Армения утверждает, что ключом к юридической ситуации является период, начавшийся 20 февраля 1988 года, когда сессия двадцатого созыва делегатов Нагорно-Карабахской автономной области приняла постановление о передаче области из Азербайджана в Армению (в пределах СССР). Верховный Совет Армянской ССР согласился с этим 15 июня 1988 года. 12 июля 1988 года восьмая сессия двадцатого созыва делегатов Нагорно-Карабахской автономной области приняла постановление об отделении области от Азербайджана. Это было подтверждено 16 августа 1989 года на «съезде полномочных представителей населения Нагорного Карабаха», а 1 декабря 1989 года Верховный Совет Армянской ССР принял постановление, призывающее к «воссоединению» Армянской ССР и Нагорного Карабаха. 2 сентября 1991 года «местные советы» Нагорного Карабаха приняли «Декларацию о независимости Нагорно-Карабахской Республики». Она была подтверждена «референдумом», проведенным в Нагорном Карабахе 10 декабря 1991 года. 28 декабря того же года в территории были проведены «выборы», и 6 января 1992 года вновь созданный «парламент» принял «Декларацию независимости», за которой через два дня последовало принятие «Конституционного закона „Об основных принципах государственной независимости Нагорно-Карабахской Республики“»¹⁷⁴.

153. Точка зрения Армении сводится к тому, что «[в] момент, когда Азербайджанская Республика получила признание, Нагорно-Карабахская Республика

¹⁷² См., например, вербальную ноту, *op.cit.*, р. 4, и первоначальный доклад Комитету по правам человека, *op.cit.*, стр. 6–7.

¹⁷³ *Extract from the Protocol of the plenary session of the Caucasian Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) of 5 July 1921*, in “To the History of Formation of the Nagorny Karabakh Autonomous Oblast of the Azerbaijan SSR. 1918–1925: Documents and Materials”, Baku, 1989, p. 92.

¹⁷⁴ См. вербальную ноту, *op.cit.*, pp. 7–9.

уже не была в ее составе»¹⁷⁵, а процесс, с помощью которого это образование стало независимым, отражает право на самоопределение¹⁷⁶.

154. Однако этот подход является в корне порочным. Необходимо отметить следующие моменты, исходя из проведенного ранее в настоящем докладе анализа соответствующих концепций.

155. Во-первых, критически важным периодом для целей *uti possidetis* и, таким образом, для целей законного унаследования территориальных границ является период вокруг приобретения независимости. Международный Суд весьма ясно дал понять это. В деле *Буркина-Фасо/Мали* было заявлено¹⁷⁷:

«Сущность этого принципа [*uti possidetis*] заключается в его первостепенной цели обеспечения уважения территориальных границ *в момент достижения независимости*»,

и затем¹⁷⁸:

«Став независимым, новое государство приобретает суверенитет с территориальной основой и границами, оставленными ему колониальной державой. Это — часть обычного функционирования механизма правопреемства государств. Международное право — и, соответственно, принцип *uti possidetis* — применяется к новому государству (как государству) не ретроактивно, а сразу же, с данного момента и далее. Он применяется к государству *как оно есть*, т.е. к «фотографии» территориальной ситуации, существующей в то время. Принцип *uti possidetis* замораживает территориальное право владения; он останавливает часы, но не переводит стрелки назад» (эмфаза сделана в подлиннике).

156. Значение, следовательно, имеет граница, «которая существовала в момент приобретения независимости»¹⁷⁹. Что касается ситуации с Нагорным Карабахом, то этим моментом должно быть 18 октября 1991 года — дата получения независимости Азербайджанской Республикой, что было подтверждено на референдуме, проведенном 29 декабря 1991 года. Соответственно, необходимо изучить ситуацию по состоянию на эту дату.

157. Во-вторых, применимой нормой права, лежащей в основе применения принципа *uti possidetis*, который является нормой, определяющей границы образования при получении независимости, является конституционный закон бывшего государства или государства-предшественника, поскольку определить соответствующую административную разграничительную линию можно прежде всего с учетом прав владения, установленных в рамках этой системы.

158. В деле *Буркина-Фасо/Мали* Палата отметила, что определение соответствующей пограничной линии необходимо оценить в свете французского колониального права, поскольку линия, о которой идет речь, была исключительно внутренней административной границей в пределах французской Западной Африки. В качестве таковой она была определена не на основе международно-

¹⁷⁵ См. первоначальный доклад Комитету по правам человека, *op.cit.*, стр. 5.

¹⁷⁶ “Nagorno-Karabagh: Legal Aspects”, *op.cit.*, p. 20.

¹⁷⁷ ICJ Reports, 1986, pp. 554, 566. Это было подтверждено в деле *El Salvador/Honduras*, ICJ Reports, 1992, pp. 351, 386–7.

¹⁷⁸ ICJ Reports, 1986, p. 568.

¹⁷⁹ *Ibid.*, p. 570.

го права, а на основе французского законодательства, применимого к таким территориям¹⁸⁰. Этот подход был усилен в деле *Сальвадор/Гондурас*, в связи с которым Палата заявила, что «когда оказывается задействованным принцип *uti possidetis juris, jus*, на который делается ссылка, является не международным правом, а конституционным или административным правом суверена до предоставления независимости»¹⁸¹.

159. Соответственно, применение принципа *uti possidetis* обусловлено конституционной ситуацией на момент получения независимости в том, что касается рассматриваемых административных границ. В этом отношении позиция Азербайджана является абсолютно ясной. Попытки армян из Нагорного Карабаха и Армении изменить эту линию (или вывести Нагорный Карабах из признанной территории Азербайджана) не были признаны ни Азербайджаном, ни властями СССР в то время. 18 июля 1988 года Президиум Верховного Совета СССР (перед лицом ходатайства съезда делегатов Нагорно-Карабахской автономной области, проведенного 20 февраля того же года, о присоединении к Армении, отклонения этого ходатайства Азербайджаном 13 и 17 июня и поддержки ходатайства Арменией 15 июня) постановил оставить территорию в Азербайджанской ССР. Решения Нагорного Карабаха об одностороннем отделении от 12 июля 1988 года и 16 августа 1989 года были отвергнуты Азербайджаном, соответственно, 12 июля 1988 года и 26 августа 1989 года.¹⁸² 20 января 1989 года Верховный Совет СССР создал специальный орган власти для территории, подчинявшийся непосредственно центральному правительству, но 28 ноября 1989 года заменил его «республиканским организационным комитетом» Азербайджанской ССР¹⁸³.

160. 1 декабря 1989 года Верховный Совет Армении принял постановление, призывающее к воссоединению Армянской ССР и Нагорного Карабаха¹⁸⁴. Однако 10 января 1990 года Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «О несоответствии Конституции СССР актов по Нагорному Карабаху, принятых Верховным Советом Армянской ССР 1 декабря 1989 года и 9 января 1990 года», объявив о незаконности предлагаемого воссоединения Армении с Нагорным Карабахом без согласия Азербайджанской ССР¹⁸⁵. 30 августа 1991 года Азербайджанская ССР приняла Декларацию о восстановлении государственной независимости Азербайджана, а 18 октября 1991 года и 29 декабря 1991 года она была официально подтверждена.

161. В отличие от всех предыдущих решений, принятых армянской стороной по Нагорному Карабаху, воззвание от 2 сентября 1991 года о «Нагорно-Карабахской Республике» было оспорено Законом СССР «О порядке решения

¹⁸⁰ *Ibid.*, p. 568. Ситуация является несколько иной, когда границы, о которых идет речь, были установлены международным соглашением до предоставления независимости, в отличие от ситуаций, когда, как в данном случае, соответствующие границы до независимости были внутренними или административными разграничительными линиями государства-предшественника.

¹⁸¹ ICJ Reports, 1992, pp. 351, 559.

¹⁸² См. *Ведомости Верховного Совета Азербайджанской ССР*, 1988 год, №№ 13–14, стр. 14–15, и *Ведомости Верховного Совета Азербайджанской ССР*, 1989 год, №№ 15–16, стр. 21–22.

¹⁸³ См. “Nagorno-Karabagh: Legal Aspects”, *op.cit.*, pp. 9–10, и вербальную ноту, *op.cit.*, p. 5.

¹⁸⁴ *Ibid.*

¹⁸⁵ См. *Ведомости Верховного Совета СССР*, 1990 год, № 3, стр. 38.

вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 года¹⁸⁶.

162. Цель этого Закона состояла в регулировании взаимных отношений в рамках СССР путем установления специальной процедуры, которой должны следовать союзные республики в случае их выхода из СССР. Решение союзной республики о выходе должно было приниматься свободным волеизъявлением народа республики путем референдума, проводимого по решению Верховного Совета союзной республики. В то же время, согласно Закону, в союзной республике, имеющей в своем составе автономные образования, референдум должен был проводиться отдельно по каждой автономии, дабы за ними оставалось право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в СССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе. Более того, Закон предусматривал, что в союзной республике, на территории которой имеются места компактного проживания национальных групп, составляющих большинство населения данной местности, при определении итогов референдума результаты голосования по этим местностям учитываются отдельно. Выход союзной республики из СССР мог считаться действительным только после выполнения сложных и многоэтапных процедур и, наконец, после принятия соответствующего решения съездом народных депутатов СССР.

163. В действительности же, как указывал Касезе, «закон крайне затруднял республикам успешное проведение переговоров по всему процессу выхода» и, таким образом, «явно не соответствовал международным нормам в отношении самоопределения». Тот же автор делает вывод о том, что «[з]акон [от 3 апреля 1990 года] сделал весь процесс возможного выхода из Советского Союза настолько громоздким и сложным, что можно задать вопросом о том, являлся ли он, в конечном итоге, подлинным применением самоопределения или же скорее предназначался для того, чтобы поставить ряд непреодолимых препятствий на пути осуществления этого принципа»¹⁸⁷. Поэтому любопытно слышать, что этот Закон упоминается на фоне утверждений о применении права народов на самоопределение, поскольку это — как раз то, что Закон ограничивал.

164. По этим причинам Закон от 3 апреля 1990 года никогда не применялся. И действительно, он был быстро отменен вследствие драматических событий в СССР, и он утратил не только свою срочность, но и свою юридическую силу до того, как Советский Союз прекратил существовать как международное юридическое лицо. Касезе писал, что «процесс приобретения независимости двенадцатью республиками... *произошел за пределами сферы права...*» и «был ускорен политическим кризисом в центре Советского Союза и соответственным усилением мощности центробежных сил» (эмпфаза содержится в оригинале)¹⁸⁸.

165. Иными словами, накануне приобретения Азербайджаном независимости незаконность — в рамках советской правовой системы — любого воссоединения Нагорного Карабаха с Арменией без согласия Азербайджана была подтверждена на самом высоком конституционном уровне. Азербайджан не давал на это согласия, так что определение территории Азербайджана в том виде, в

---

¹⁸⁶ См. *Ведомости Верховного Совета СССР*, 1990 год, № 15, стр. 303–308.

¹⁸⁷ Cassese, *Self-Determination, op.cit.*, pp. 264–265.

¹⁸⁸ *Ibid.*, p. 266.

котором он получил независимость, и в свете применимого права явно включает территорию Нагорного Карабаха. Соответственно, фактическая основа для действия правового принципа *uti possidetis* в данном случае является бесспорной. Азербайджан имел право прийти к независимости в пределах государственных границ, которые были признаны за ним в качестве границ Азербайджанской ССР в составе СССР.

166. Из этого следует, что притязания Армении на так называемую «независимость» или «воссоединение» Нагорного Карабаха противоречат принятому на международном уровне принципу *uti possidetis* и, следовательно, не могут быть поддержаны в международном праве.

167. И наконец, доводы Армении в отношении того, что заявление Азербайджана о том, что он является преемником государства Азербайджан 1918–1920 годов¹⁸⁹, означают, что Азербайджан унаследовал границы своего бывшего воплощения, являются в той же мере обманчивыми. Одно дело претендовать на преемственность в отношении бывшего юридического лица — это означало бы нечто большее в политическом плане, чем в правовом, — и совершенно другое дело доказывать, что такой процесс означал бы возврат к территориальным границам. Если бы это было принято в качестве нормы международного права, это противоречило бы всем толкованиям принципа самоопределения и вело бы к существенной неопределенности по мере того, как государства стремятся переопределить свои территориальные пределы с учетом бывших образований, в отношении которых они могут претендовать на правопреемство¹⁹⁰. Кроме того, такой подход превратил бы принцип территориальной целостности в фикцию, поскольку государства могли бы выдвигать возражения и пытаться расширить свои границы, претендуя на районы, которые законно принадлежат другим государствам, на основе такого возвратного ирредентизма. Он также означал бы, что принцип *uti possidetis* будет сопровождаться значительными исключениями. Это — доктрина, не имеющая никакой поддержки в международном праве в свете присущих ей существенных опасностей.

b) *После получения Азербайджаном независимости*

168. Претензии Армении в той мере, в какой они относятся к периоду до получения Азербайджаном независимости, противоречат международному праву. Однако претензии высказывались и в отношении периода после получения независимости, и они являются просто незаконными, поскольку они равнозначны нарушению принципа уважения территориальной целостности суверенных государств.

169. 10 декабря 1991 года Нагорный Карабах провел «референдум по вопросу о независимости» (без поддержки или согласия независимого Азербайджана, частью которого он на законных основаниях является), который был подтвержден двумя днями позже «Актом о результатах референдума о независимости Нагорно-Карабахской Республики». 28 декабря 1991 года в территории были проведены «парламентские выборы», а 6 января 1992 года вновь созданный «парламент» принял «Декларацию независимости». В тот же день «Верховный Совет Нагорного Карабаха» принял «Декларацию “О государственной незави-

¹⁸⁹ См., например, положения Декларации от 30 августа 1991 года и статью 2 Декларации от 18 октября 1991 года.

¹⁹⁰ См., например, M.N.Shaw, *Title to Territory in Africa*, Oxford, 1986, chapter 4.

симости Нагорно-Карабахской Республики»¹⁹¹. Таким образом, был начат процесс отделения от Азербайджана. Как утверждалось, в его основе лежало право на самоопределение¹⁹².

170. Это утверждение об отделении от независимого Азербайджана на основании самоопределения противоречит универсально принятой норме территориальной целостности, как она была обсуждена в настоящем докладе. Азербайджан не только не давал согласия на отделение (по сути дела, он постоянно и неустанно протестует против него), но и ни одно государство в международном сообществе не признало «Нагорно-Карабахскую Республику» в качестве независимого государства, включая даже Армению, хотя Армения оказывает крайне необходимую экономическую, политическую и военную поддержку, без которой это образование не могло бы существовать.

D. Выводы

171. Из приведенного выше анализа можно сделать следующие общие выводы:

1) Принцип уважения территориальной целостности государств представляет собой фундаментальную норму международного права, подкрепляемую самой разнообразной международной, региональной и двусторонней практикой, не в последнюю очередь в Организации Объединенных Наций.

2) Норма, касающаяся территориальной целостности, вполне возможно, является нормой *jus cogens*.

3) Норма, касающаяся территориальной целостности, отражает и поддерживает принцип суверенного равенства.

4) Норма, касающаяся территориальной целостности, находит отражение в ряде смежных и проистекающих из нее международно-правовых принципов, самым важным из которых является запрет в отношении угрозы силой или ее применения против территориальной целостности государств, который бесспорно является нормой *jus cogens*.

5) Связанный с этим принцип территориальной целостности — принцип *uti possidetis juris* — предусматривает территориальное определение образований по мере их продвижения к независимости.

6) Принцип *uti possidetis* применяется к новым государствам, независимо от колониального или иного происхождения, и гласит, что, при отсутствии согласия на обратное, новое государство получает независимость в границах, которыми оно обладало как еще не являвшееся независимым образование.

7) Принцип самоопределения существует как норма международного права. В качестве такового он предусматривает независимость колониальных территорий и участие народов в управлении их государствами в территориальных пределах таких государств. Принцип самоопределения также применяется

---

¹⁹¹ Вербальная нота, *op.cit.*, п. 8. Следует отметить, что 23 ноября 1991 года, столкнувшись с растущими волнениями, Азербайджан аннулировал автономию Нагорного Карабаха, *ibid.*, п. 9.

¹⁹² См. «Nagorno-Karabagh: Legal Aspects», *op.cit.*, п. 20.

в случаях иностранной оккупации и содействует поддержке целостности существующих государств.

8) Принцип самоопределения не может быть истолкован как включающий право — в международном праве — на отделение (вне колониального контекста).

172. Можно сделать следующие частные выводы:

1) Принцип *uti possidetis* устанавливает, что Азербайджан на законных основаниях получил независимость в пределах границ, которые он имел согласно советскому праву в период, предшествовавший провозглашению им независимости.

2) Эти границы включают территорию Нагорного Карабаха, как это было подтверждено законными властями СССР в соответствующее время.

3) Азербайджан не давал согласия на выход Нагорного Карабаха из пределов его международно признанных территориальных границ.

4) Ни так называемое воссоединение Нагорного Карабаха с Арменией, ни его так называемая независимость не были признаны никаким третьим государством.

5) Соответственно, действия тех, кто осуществлял контроль в Нагорном Карабахе до получения Азербайджаном независимости, нарушают принцип *uti possidetis* и подлежат определению в правовой системе Азербайджана.

6) Однако жители Нагорного Карабаха имеют право в полной мере пользоваться международными положениями, касающимися прав человека, включая право на самоопределение в пределах границ Азербайджана. В международном праве нет никакого применимого права на отделение.

7) Действия тех, кто осуществляет контроль в Нагорном Карабахе после получения Азербайджаном независимости, равнозначны сепаратистской деятельности и подлежат определению в правовой системе Азербайджана.

8) Действия Армении, вплоть до и включая применение силы, являются нарушением фундаментальной нормы уважения территориальной целостности государств, а также нарушением других соответствующих международно-правовых принципов, таких, как запрещение применения силы.